

И.П. Лазаретов, А.В. Поляков

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург*

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Термин «карасукская культура» был введен в научный оборот в 20-е годы прошлого века С.А. Теплоуховым для обозначения комплексов эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины (Теплоухов, 1929)*. В дальнейшем географические и хронологические рамки этого понятия постоянно расширялись, а характеризующие его признаки со временем становились все более размытыми. В «общность культур карасукского типа» оказались сведены самые разнообразные комплексы и огромный массив артефактов из случайных находок с территории Саяно-Алтая, Монголии, Казахстана и Западной Сибири, условно относящихся к «карасукской эпохе» – второй половине II – первой половине I тыс. до н.э. (Грязнов, 1952, 1956; Киселев, 1951; Новгородова, 1970; Членова, 1972). Столь широкая и во многом произвольная трактовка исходного термина способствовала возникновению целого ряда неразрешимых «проблем» и «парадоксов», а, в конечном счете, привела к дискредитации самого понятия (Хаврин, 1994). Ситуацию осложнила неоднородность и исключительная вариабельность комплексов эпохи поздней бронзы даже в пределах Хакасско-Минусинской котловины, где они отчетливо распались на несколько групп. Продолжительная дискуссия по поводу их хронологического соотношения и принадлежности в 60-х – 80-х годах, вопреки ожиданиям, не привела к разработке единой периодизации и терминологии, а лишь способствовала еще большей поляризации точек зрения. Часть исследователей рассматривала эти комплексы в качестве последовательных этапов единой культуры (Грязнов, 1965; Грязнов, Пяткин, Максименков, 1968; Максименков, 1964, 1975), другие видели в них самостоятельные группы, линии развития или культуры, длительное время существовавшие параллельно (Новгородова, 1965, 1970; Хлобыстина, 1963, 1970; Членова, 1960, 1963, 1972). В результате научная литература «обогатилась» целым рядом столь же аморфных определений, таких как «каменноложский», «лугавский», «батеневский» или «бейский», теперь уже применительно к отдельным группам памятников или артефактам.

Для того, чтобы избежать подобных мало продуктивных терминологических споров, необходимо абстрагироваться от ставших уже привычными

* Определение «Хакасско-Минусинская котловина» используется нами для обозначения региона, состоящего из четырех самостоятельных котловин: Назаровской, Чулымо-Енисейской, Сыда-Ербинской и Минусинской.

стереотипов, последовательно разграничивать содержательную часть исследования и его интерпретационную составляющую. Конструктивное обсуждение культурно-исторических процессов (миграций, влияний, контактов и т.п.) возможно только при наличии детально разработанной первичной базы, прежде всего временной последовательности памятников. Для построения такой последовательности авторами были привлечены материалы комплексов Хакасско-Минусинской котловины (свыше трех тысяч погребений), занимающих хронологическую позицию между андроновской и тагарской культурами. Основой выполненной работы стало использование метода горизонтальной стратиграфии применительно к крупным погребальным полям и сопоставление нескольких малых могильников внутри отдельно взятых микрорайонов. В комплексе с анализом встречаемости элементов погребальных конструкций, особенностей обряда и типов инвентаря, такой подход позволил определить последовательность развития памятников каждой из изучаемых микро-территорий. Следующим шагом стало объединение локальных схем в единую временную шкалу, состоящую из четырех этапов, включающих несколько хронологических горизонтов (рис. 1). Изложение полученных результатов опубликовано пока только в тезисном виде (Лазаретов, 2006; Поляков, 2006-а).

I этап. Хронологически наиболее ранняя группа погребений эпохи поздней бронзы (ЭПБ). Они не образуют самостоятельных могильников, а всегда в виде «ядра» входят в состав крупных могильных полей, включающих и более поздние курганы II этапа ЭПБ, расположенные по периферии. На основании развития инвентарного комплекса (прежде всего керамики), а также серии других признаков, удаётся проследить динамику изменения погребальной традиции в рамках I этапа ЭПБ. Это позволяет выделять в его составе два последовательных хронологических горизонта: относительно ранний I-а и более поздний I-б. Граница между ними довольно условна. Можно обозначить только тенденции и чётко описать их полярные значения. В целом I этап ЭПБ характеризуется наличием оград круглой формы и наземных цист, керамикой с уступом и немногочисленным сопроводительным инвентарём без ярко выраженных руководящих типов вещей (рис. 2). Отличительной особенностью комплексов этого периода является постоянное применение при возведении оград и обустройстве могил только одного строительного материала – тонких плит песчаника. Их могли доставлять с месторождений удаленных на десятки километров от могильника. Глыбы рваного камня, галечник и дерево в погребальных конструкциях не использовались. В системах оград практиковалась «свободная» схема размещения пристроек. Дополнительные захоронения

Хронология	I этап		II этап	III этап			IV этап	
	А	Б		А	Б	В	А	Б
Орак	■							
Сухое Озеро II	■							
Кюргеннер I-II	■							
М.Копёны III	■							
Варча I		■						
Карасук I		■						
Барсучиха I		■						
Быстрая I-III		■						
Сабинка II		■						
Терт-Аба		■						
Белоярск II		■						
Абакан I-VIII		■						
Белый Яр V		■						
Хара-Хая		■						
Анчил-Чон		■						
Арбан I		■						
Белое Озеро I				■				
Кутень-Булук				■				
Карасук IV				■				
Волчий Лог					■			
Фёдоров Улус					■			
Карасук VI					■			
Усть-Бюрь IV						■		
Лугавское I,III						■		
Арбан III						■		
Устинкино						■		
Баинов Улус							■	
Бырганов V								■

Рис. 1. Относительная хронология погребальных памятников эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинских котловин

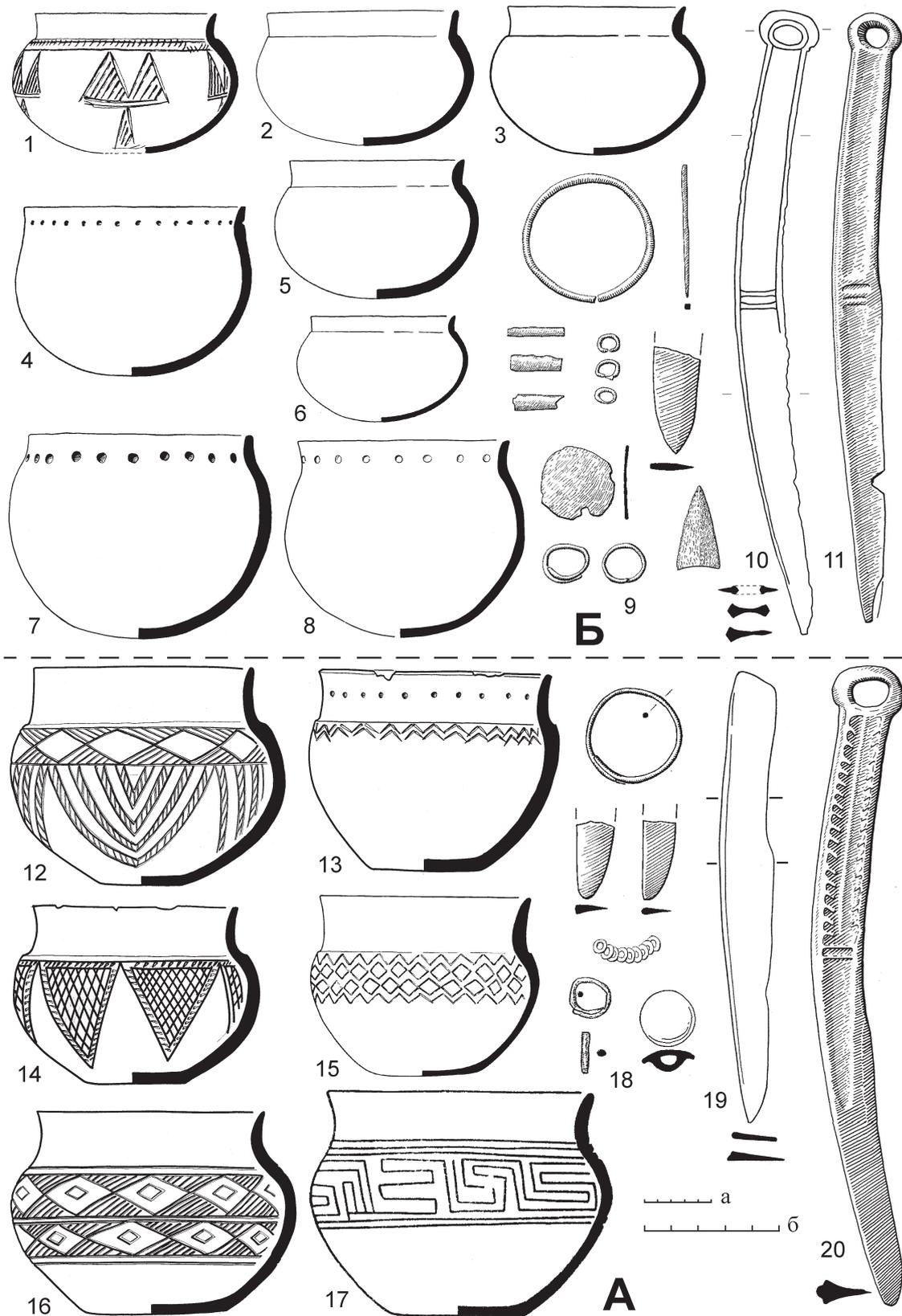

Рис. 2. Материалы погребений I этапа ЭПБ

Малые Копёны III: 1 – курган 86 могила 4; 3 – курган 2 могила 4; 4 – курган 43 могила 3; 5 – курган 94 могила 1; 6 – курган 114 могила 3; 15 – курган 111 могила 4; 17 – курган 31 могила 1. Варча I: 2 – курган 20 могила 1. Сухое Озеро II: 7 – курган 337 могила 3; 11 – курган 252 могила 4; 12 – курган 163 могила 3; 13 – курган 141 могила 12; 14 – курган 81 могила 3; 16 – курган 248-а; 20 – курган 349 могила 1. Карасук I: 8 – курган 35 могила 2. Окунев Улус I: 10 – могила 12. Орак у Болота: 19 – могила 4. Масштабы: а – для керамики; б – для вещей.

взрослых и детей могли примыкать к любой из сторон основного сооружения.

Хронологический горизонт I-а фиксирует пласт самых ранних погребений (рис. 2: 12-20). Эти курганы немногочисленны и входят в состав весьма узкого круга могильников. В большинстве случаев памятники продолжают уже существующие могильные поля андроновской культуры (Ужур, Орак, Сухое Озеро, Лебяжье, Батени, Усть-Ерба, Тепсей, Мохов и другие). Их ареал ограничивается только Чулымо-Енисейской и Сыда-Ербинской котловинами и отчасти совпадает с зоной распространения на Среднем Енисее андроновских памятников фёдоровского типа (Бобров, 2003, с. 14; Лазаретов, 2001, с. 104; Молодин, 1992, с. 29; Савинов, 2005, с. 29).

Курганы представляют собой крупные одиночные ограды (до 30 метров в поперечнике) или систему многочисленных пристроек. Они расположены по территории могильника в виде неупорядоченных скоплений. Расстояния между курганами весьма значительные, обычно превышающие их собственные размеры в 3–4 раза. Ограды могут быть, как круглые из горизонтально положенных плит, так и прямоугольные из вертикально вкопанных плит. Могильные камеры тоже встречаются двух основных типов. Либо опущенные в яму каменные ящики из тонких вертикальных плит прямоугольной или трапециевидной формы, либо цисты сложенные на поверхности погребённой почвы или с небольшим заглублением в неё.

Обряд захоронения очень консервативен и устойчив. Это индивидуальные погребения, в которых покойник всегда ориентирован головой в северо-восточный сектор. Погребенные лежат на левом боку вполоборота со смещением к северной стенке, опираясь на нее плечом или тазом (Лазаретов, 1995, с. 42–45). Ноги либо вытянуты, либо слабо согнуты. Положение рук строго регламентировано: левая вытянута вдоль тела, правая чуть согнута и располагается кистью на правом крыле таза. Один или два сосуда всегда находятся перед черепом погребённого в восточном углу, а сопроводительная пища в виде набора из нескольких кусков мяса животного (овца, корова или лошадь) и столовый прибор (нож и шило) размещаются на деревянном блюде возле юго-восточной стенки.

Сосуды представлены несколькими типами, обладающими единым набором характерных признаков (рис. 2: 12-17). В первую очередь это наличие уступа под венчиком (свыше 80%), уплощённая форма дна, геометрическая орнаментация на плечиках (полосы ромбов; горизонтальный зигзаг; равнобедренные треугольные шевроны). Количество сосудов в могилах невелико: обычно один, редко два. Очень небольшая группа сосудов (рис. 2: 16, 17; Зяблин, 1977, рис. 8: 8, 10, 13) может быть напрямую со-

поставлена с материалами Еловских могильников (Матюшенко, 2001, рис. 9: 2; 13: 4, 6; 16: 7; 21: 2, 5; 2004, рис. 302: 2; 311: 2; 313: 2; 377: 3; 394: 4). Набор сопроводительного инвентаря хронологического горизонта I-а крайне скуден. В погребениях встречаются: пронизки, височные кольца, обоймочки, бляшки, пастовые бусины, пуговицы с петелькой и тому подобные широко распространённые в эпоху бронзы вещи (рис. 2: 18). К этому периоду относятся два типа ножей: пластинчатые ножи без навершия и ножи с кольцевидным навершием без выраженного перехода от рукоятки к лезвию (рис. 2: 19, 20). Для отливки изделий чаще всего использовалась бронза с присадкой олова (Поляков, Хаврин, 2007).

Хронологический горизонт I-б представлен группой погребений продолжающих линию развития традиций I этапа ЭПБ (рис. 2: 1-11). В материалах отсутствуют какие-либо свидетельства инноваций или внешних культурных импульсов. Происходит естественный процесс саморазвития культуры. В связи с этим, как уже отмечалось, точную границу между комплексами I-а и I-б провести чрезвычайно трудно. В то же время выделение этой относительно поздней группы необходимо по ряду причин. Кроме существенных изменений в характере керамического инвентаря, наиболее важным является появление новых кладбищ, где отсутствуют погребения более ранней группы I-а. Причём, новые могильники известны не только в уже освоенном ареале (Карасук I, Барсучиха I, Варча I), но и за его пределами. Комплексы хронологического горизонта I-б распространяются в южной части Минусинской котловины, на территориях, ранее занятых окуневской культурой (Тигир-Тайджен II, Сабинка II, Терг-Аба).

Погребальный обряд изменяется минимально. Происходит процесс постепенного исчезновения двух типов конструкций: оград круглой формы из горизонтально лежащих плит и наземных цист. То есть именно тех элементов обряда, которые, возможно, могли быть связаны с местной андроновской (фёдоровской) традицией. Отмечается уменьшение размеров оград и расстояний между ними. При сохранении в большинстве случаев сложившейся позы на левом боку вполоборота, во вновь появившихся южных могильниках фиксируются отдельные случаи ориентировки погребённых головой в юго-западный сектор.

Бронзовый инвентарь погребений остаётся прежним, не появляется ни новых типов бронз, ни каких-либо уникальных изделий (рис. 2: 9). Ножи без навершия из погребений полностью исчезают, но продолжают встречаться ножи с кольцевидным навершием без выделенного перехода от рукоятки к лезвию (рис. 2: 10, 11). Постепенно увеличивается количество сосудов в могиле – теперь их обычно два. Появляется устойчивое сочетание сосудов двух

типов: с уступом, обычно, без орнамента (рис. 2: 1-3, 5, 6), и без уступа с ямочным орнаментом на шейке (рис. 2: 4, 7, 8). В целом в керамическом комплексе можно отметить несколько устойчивых тенденций. Заметно уменьшается число посуды с геометрическим орнаментом. Происходит переход к круглой форме дна. Сосуды с уступом демонстрируют процесс уменьшения высоты венчика.

В самом конце хронологического горизонта I-б в составе целого ряда могильников появляются погребения, заметно отличающиеся от основной массы захоронений. Обычно это одно-два погребения, но в отдельных случаях (Кюргеннер I, Малые Копёны III) зафиксированы серии из 6–12 могил, формирующие в составе кладбища самостоятельные, чётко очерченные группы. Обнаруженная в этих погребениях посуда обладает устойчивой комбинацией признаков, позволяющих безошибочно отличать ее от остальной керамики (рис. 3: 1-15; Зяблин, 1977, рис. 5: 10, 14, 16, 18-20; Членова, 1972, табл. 16: 17-19). Как правило, это крупные сосуды вытянутых пропорций с плоским или уплощенным дном. Переход от шейки к тулову оформлен плавным изгибом, а венчик имеет прямой срез. Сосуды изготовлены из рыхлого, комковатого теста с большой примесью дресвы. Обработка поверхности грубая, следы лощения отсутствуют. На ряде горшков отмечен интересный технологический прием, когда верхняя лента одним краем подлеплялась с внутренней стороны сосуда, затем отгибалась наружу и складывалась вдвое. Другой ее край также крепился к нижней ленте, но уже с внешней стороны. Место стыка зачастую укреплялось наклепным или формованным валиком. Венчик, образованный таким способом, получался утолщенным и имел в изломе двуслойную структуру. По сообщению В.В. Варфоломеева такой способ формовки эпизодически встречается в комплексах саргаринско-алексеевской культуры*. Этот технологический прием формовки венчиков будет сохраняться весь период существования валиковой традиции эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины, до начала хронологического горизонта III-в. Орнаментация посуды, состоящая из рядов оттисков гладкого или зубчатого штампов, группируется в верхней части сосудов. Зачастую декорированным оказывается верхний срез, и даже внутренний край венчика (рис. 3: 11). Полосы отпечатков могут иметь наклон в одну сторону, либо в противоположные, образуя ряды горизонтальной «елочки» (рис. 3: 14, 15). Обязательными элементами декора являются полоса оттисков штампа по краю венчика и ряд ямочных вдавлений на шейке. Часть сосудов украшена наклепными или формованными валиками (рис. 3: 9, 10, 12).

* Пользуясь случаем, выражаем свою благодарность В.В. Варфоломееву за консультацию по данному вопросу.

В нескольких случаях основная орнаментальная композиция дополнена группами оттисков, образующими вертикальные «тяжи» (рис. 3: 4, 7). Отдельные погребения с инокультурной посудой обнаружены и в других (Сухое Озеро II, Ужур, Арбан I, Потрошилово II, Тюрим) могильниках I этапа ЭПБ (Лазаретов, 2008, рис. 8: 12, 14; 9: 7; Савинов, Поляков, 2007, рис. 7: 5; рис. 8: 18; Членова, 1966, рис. 4: 1)**.

Кроме общей керамической традиции, атипичные захоронения объединяет целый ряд сходных особенностей могильных конструкций и погребального обряда. Это наличие грунтовых ям, либо ям со срубам и дополнительной, иногда частичной, обставкой плитами. Захоронения на боку, а не на боку вполборота, к тому же на правом, а не на левом, как у основной массы населения. Иное размещение рук покойника – перед грудью. Высокий процент погребений с юго-западной ориентировкой и частое отсутствие в могиле мяса жертвенного животного. Эти характерные признаки позволяют отнести к атипичной группе еще несколько полностью разграбленных или безинвентарных захоронений из состава могильников конца I этапа эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. Хотя эта инородная этническая группа представляет незначительный процент от общего числа погребений, ее влияние на дальнейшее развитие культуры Хакасско-Минусинской котловины трудно переоценить. Именно с ее воздействием связан основной спектр инноваций и трансформаций, приведший к формированию комплексов II этапа эпохи поздней бронзы Среднего Енисея.

II этап. Следующая стадия развития памятников эпохи поздней бронзы. Погребения этого времени равномерно распространены в пределах трёх котловин: Чулымо-Енисейской, Сыда-Ербинской и Минусинской. Они выделены в отдельный хронологический

** Используемые в литературе для обозначения инокультурных захоронений в составе могильников I этапа ЭПБ наименования – «комплексы с валиковой керамикой» и «анашенский тип» сегодня представляются нам не вполне удачными (Лазаретов, 1991, с. 105–107; 1993, с. 129–132; Членова, 1992, с. 73–75; 1998, с. 673–674). Валики имеются только на 20–30% сосудов данной керамической традиции, а в ряде комплексов, таких как Малые Копены III, Арбан I или Тюрим, они и вовсе отсутствуют. Материалы стоянки Анаш также не могут служить образцом для выделения самостоятельного типа памятников, поскольку представляют собой случайные сборы разновременной посуды с разрушенного, нестратифицированного поселения. Далее мы используем термины «атипичная посуда» и «атипичные погребения» в качестве временного определения применительно к инокультурным находкам в составе комплексов I этапа ЭПБ. Только после выделения эталонных могильников и поселений с однородным материалом эта группа обретет свое окончательное название.

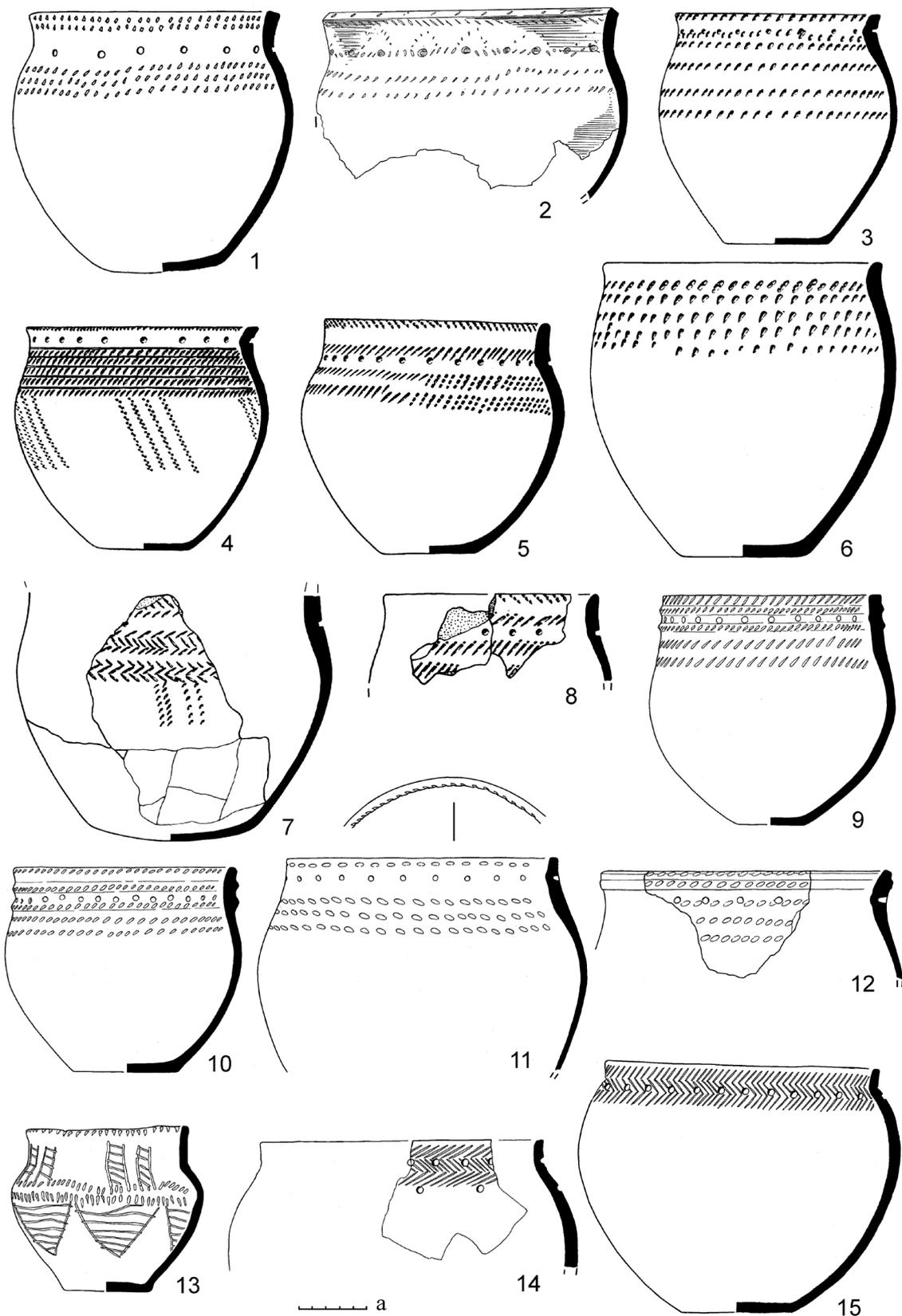

Рис. 3. Группа атипичной керамики в составе этапа I-6 ЭПБ

Арбан I: 1, 2 – могила 27. Малые Копены III: 3, 8 – курган 79; 4 – курган 48; 5 – курган 61; 6 – курган 58; 7 – курган 35, могила 2. Кюргеннер I: 9 – курган 91; 10 – курган 88; 11 – курган 86; 12 – курган 82; 13 – курган 90. Тюрим: 14 – курган 1, могила 8; 15 – курган 2, могила 1. Масштаб: а – для керамики.

горизонт, так как характеризуются не только процессами саморазвития погребальной традиции, но и заметным спектром инновационных признаков. Пока не удаётся в рамках этапа выделить самостоятельные хронологические группы, хотя определённые предпосылки к этому есть. Препятствием является существование отчётливых локальных вариантов, для каждого из которых наблюдаются свои хронологические признаки развития. Всего можно условно выделить три отдельных локальных варианта, которые имеют, как общие признаки, так и целый ряд заметных отличий. Первоначально следует описать общие черты, которые позволяют выделять II хронологический этап.

Фиксируется появление целого ряда новых кладбищ (Белый Яр V, Тагарский Остров IV, Абакан I-VIII, Усть-Сыда, Белоаярск II и другие). Большинство из них расположено в южной части ареала. Это свидетельствует о том, что процесс освоения новых территорий, начавшийся на хронологическом горизонте I-б, продолжался и позднее.

Размеры курганов и расстояния между ними становятся ещё меньше. Наиболее распространённые сооружения – прямоугольные ограды из вертикально вкопанных плит. Их среднестатистические размеры 4x5 метров. Практически полностью исчезают ограды круглой формы, и возможно как следствие этого, происходит переход к иной организации пространства кладбищ. На смену хаотичному заполнению вокруг выраженного центра, свойственному андроновской культуре и I этапу ЭПБ, приходит линейное построение, когда все курганы равнозначны. Поскольку при этом исчезают монументальные сооружения, можно осторожно предположить постепенную социальную трансформацию общества. Заметно снижается количество пристроек (до двух-трех в одном кургане). Каждому взрослому человеку полагается независимая погребальная конструкция, а в пристройках похоронены в основном дети, по всей видимости, не достигшие возраста инициации.

Конструкции могил представлены только одним ведущим типом. Это каменные ящики трапециевидной или прямоугольной формы. Изредка в южных районах встречаются погребения в грунтовых ямах, что свидетельствует о начале процесса трансформации уже к следующему III этапу ЭПБ. Традиционная погребальная поза, описанная выше, совершенно не изменяется. В юго-западном и, отчасти, центральном районах увеличивается число погребений с юго-западной ориентировкой. В юго-восточной части ареала (в районе устья реки Абакан) появляются серии могил, в которых погребённый уложен на правом боку.

Для синхронизации курганов различных локальных групп в рамках II этапа ЭПБ, принципиальное значение имеет керамика. Общее количество

сосудов в каждой могиле увеличивается до двух-трех, а в отдельных случаях и до семи экземпляров. Сосуды с уступом практически полностью вытесняются новыми формами, но какой-то период времени продолжают бытовать в наиболее консервативном северном районе. Их сменяют сосуды плавной профилировки, орнаментированные по шейке несколькими линиями. В северном и центральном районах линии выполнены желобками (каннелюрами) или резным способом (рис. 4: 7, 8, 11-14), а в юго-западном – обычно нанесены зубчатым штампом (рис. 4: 1, 6). По остальным признакам, эта посуда мало отличается от более ранних типов керамики с уступом (приземистая форма, чаще круглое дно, отогнутый не орнаментированный венчик). Группа крупных сосудов с ямочным орнаментом и плавным изгибом шейки, только несколько трансформируется, приобретая новые признаки: ямки могут иметь прямоугольную или ромбовидную форму, группироваться в скопления от двух до семи, составляя повторяющийся набор (рис. 4: 9, 10). Орнаментация может быть дополнена одним или несколькими рядами косых насечек. В южных районах появляется новый тип посуды – «бадейки» и сосуды с наклепными ручками (рис. 4: 3, 4).

В погребениях распространяются новые типы ножей. Их отличает наличие шипа у основания рукоятки, иной набор наверший (кольцо с тремя кнопками, грибовидные, зооморфные) и появление орнаментов, ранее на ножах не встречавшихся (рис. 4: 15, 16). Аналогичные орнаменты можно наблюдать на керамике II этапа ЭПБ. Кроме того, в погребениях появляется целый набор совершенно новых бронз: лапчатые привески, биконические перстни, зеркала, ярусные бляшки, «гвоздики», серьги, бляшки с четырьмя приливами и другие (рис. 4: 17). Ареал их распространения ограничен юго-западным и центральным районами, но отдельные экземпляры проникают и севернее. Начиная со II этапа ЭПБ, число изделий, отлитых из бронзы с присадкой олова, резко сокращается. Их замещают предметы, состоящие из мышьяковистой бронзы и меди (Поляков, Хаврин, 2007).

Можно выделить три локальных района, имеющих значимые различия: северный, центральный и юго-западный. Границы этих районов весьма условны и пограничные могильники зачастую демонстрируют признаки сразу двух локальных групп.

Северная локальная группа (Чулымо-Енисейская и Сыда-Ербинская котловины) характеризуется максимальным традиционализмом. Это район первоначального формирования культуры, где она развивалась продолжительное время. Инновационные признаки, связанные со II этапом ЭПБ, встречаются в северных могильниках значительно реже. К примеру, практически не известны погребения на правом боку и юго-западные ориентировки.

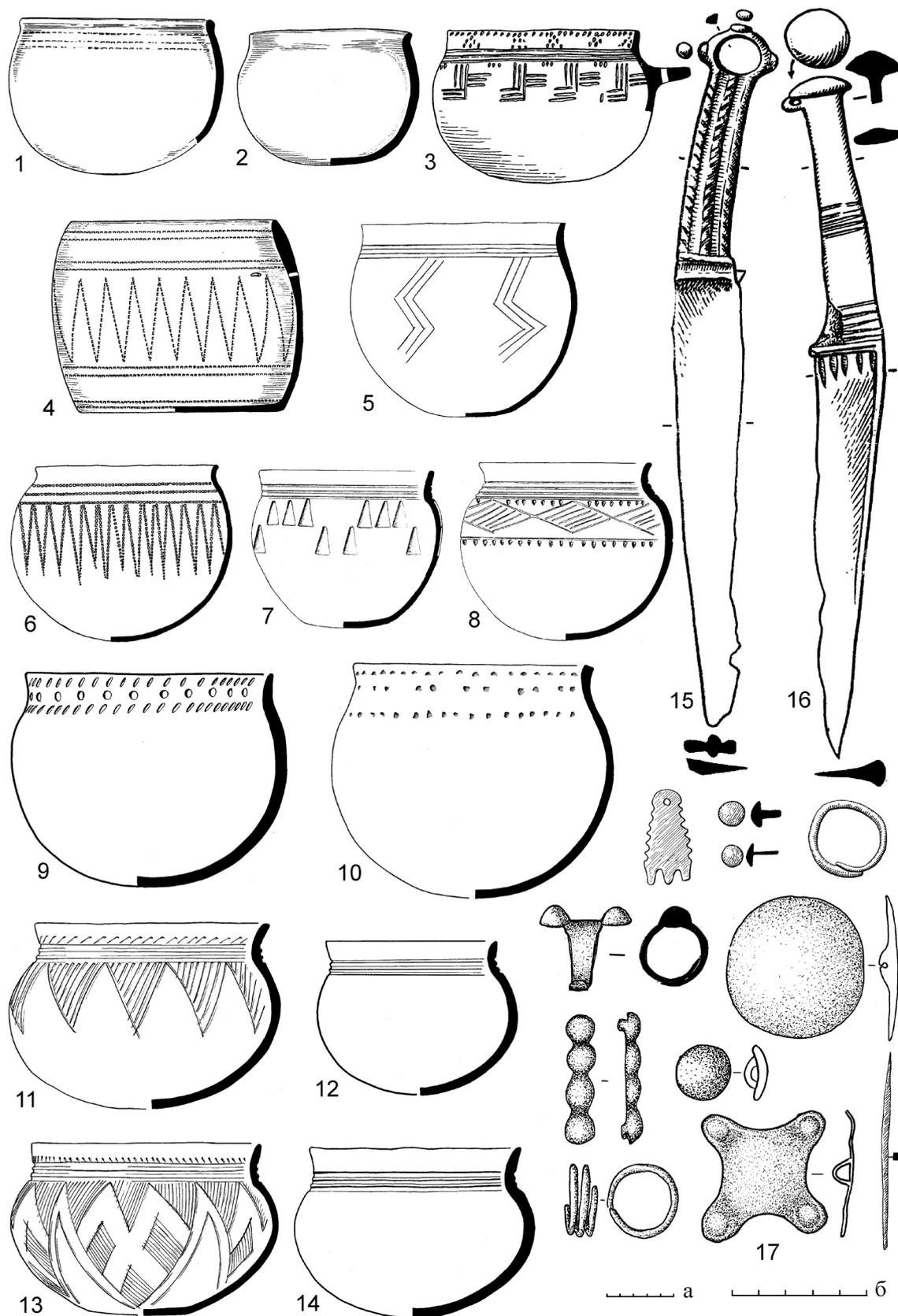

Рис. 4. Материалы погребений II этапа ЭПБ

Арбан I: 1 – могила 18; 2 – могила 28; 4 – могила 35. Бельтыры: 3 – курган 7. Терг-Аба: 5 – курган 39; 6 – курган 19. Быстрая II: 7 – могила 7; 8 – могила 5. Сухое Озеро II: 9 – курган 493 могила 2; 12 – курган 325 могила 2; 14 – курган 427 могила 2. Разлив VI: 10 – ограда 33 могила 5. Карасук I: 11 – курган 54 могила 1; 13 – курган 28 могила 1. Бея: 15 – могила 3. Абакан I: 16 – погребение 21. Маситабы: а – для керамики; б – для вещей.

Все ключевые категории бронз либо отсутствуют вовсе, либо встречаются в единичных случаях (лапчатые привески, биконические перстни, ярусные бляшки, «гвоздики», ножи с трёхкнопочным навершием).

Керамика – наиболее надёжный критерий, позволяющий уверенно датировать погребения в северных могильниках (рис. 4: 9-14). Сосуды с желобками на шейке ничем не отличаются от тех, что массово обнаруживаются в центральной группе. В сумме с наблюдаемыми общими тенденциями это позволяет уверенно выделять II этап ЭПБ в северных районах, а находки единичных инновационных бронз, только подтверждают правильность датировок. Здесь сосуды с уступом продолжают существовать на протяжении какой-то части II этапа ЭПБ. Это наиболее поздние формы без орнамента, с круглым дном. В некоторых случаях уступ имитируется резной линией. Часто они встречаются в комплекте с сосудами новых типов. Подобные наборы демонстрируют плавность и постепенность перехода между I и II этапами.

Центральная группа расположена в районе устья реки Абакан (северная часть Минусинской котловины). Она демонстрирует максимальное количество инновационных признаков и наиболее богата бронзовым инвентарём. Значительное количество новых бронзовых изделий ярко демонстрирует принципиальное отличие этой группы от двух других районов. Даже в неоднократно потревоженных погребениях здесь может быть обнаружено до десяти лапчатых привесок, несколько биконических перстней, зеркал, множество ярусных бляшек и «гвоздиков», причём иногда совместно. Практически любой могильник в этой группе по богатству, числу и разнообразию бронзовых изделий превосходит самый крупный памятник из северной локальной группы – Сухое Озеро II (550 погребений).

Керамика в своей массе мало отличается от северных могильников (рис. 4: 7, 8). Формы и набор орнаментов практически идентичны. Вносит разнообразие только появление отдельных, пока малочисленных, элементов орнамента более свойственных III этапу ЭПБ (вертикальный зигзаг, полукруглые вдавления, узкие треугольные шевроны). Особо следует отметить погребения на правом боку, характерные преимущественно для указанного района.

Юго-западная или «арбанская» локальная группа (юго-западная часть Минусинской котловины) расположена вдоль течения реки Абакан (Поляков, 2002, с. 212; Савинов, Поляков, 2007). Если резюмировать её основные отличия, то наиболее правильно говорить об определённой периферийности или изолированности юго-западного района. Сосуды изготовлены небрежно, формы неустойчивы, орнамент нанесён с большим количеством брака (рис. 4: 1-6). Наиболее выразительная особенность – орнаменты,

которые в могильниках северной и центральной групп выполнены резными линиями, в юго-западных памятниках зачастую наносятся зубчатым штампом. При этом сам набор орнаментов существенно не меняется. Аналогичные тенденции наблюдаются в бронзовом инвентаре. В отличие от северного района здесь представлен весь список инновационных бронзовых предметов (лапчатые привески, биконические перстни, зеркала и т.д.), но количество их не велико, а качество низкое (большое количество литейного брака, форма изделий не устойчива). В погребениях юго-западного района сконцентрированы все случаи обнаружения лапчатых привесок с четырьмя выступами, а районирование этого признака сохраняется на протяжении III и IV этапов (Поляков, 2006-б, с. 90). Ещё один важный признак, позволяющий выделять локальную «арбанскую» группу – абсолютное преобладание юго-западной ориентировки погребённых.

В этот же период продолжала свое существование этническая группа, связанная с атипичными захоронениями конца I этапа эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. В ней разделение на ранние и поздние комплексы II этапа ЭПБ просматривается более отчетливо. Наиболее весомо ранняя группа представлена в материалах поселения Торгажак. Там имеется посуда характерная для обеих керамических традиций. Часть сосудов отличается малой емкостью, приземистыми пропорциями, лощением поверхности, резной геометрической орнаментацией и отсутствием декора в зоне венчика. У некоторых еще имеется уступ, четко отделяющий шейку от плечика (Савинов, 1996, табл. XL: 1-5, 10, 11). Посуда, наследующая атипичной традиции, в массе своей, выделяется заметно большей емкостью, удлиненными пропорциями, грубой обработкой поверхности. Она орнаментирована рядами или группами оттисков штампа, либо палочки. Часть сосудов украшена наклепными и формованными валиками (Савинов, 1996, табл. XLII–XLIX). От атипичной посуды первой стадии взаимодействия, обнаруженной в группах инородных погребений из состава могильников I этапа ЭПБ, ее отличает округлодонность и меньшая насыщенность орнаментацией (рис. 5: 20-25). Насечки в верхней части венчика и ряд ямок уже не являются строго обязательными элементами. Обе керамические традиции пока еще могут быть идентифицированы, хотя провести между ними четкую границу уже невозможно из-за обилия переходных форм.

К атипичной линии развития начала II этапа ЭПБ можно отнести ряд захоронений, выбивающихся из общего контекста необычным устройством погребальных сооружений и инвентарем. Их отличает использование в конструкциях, наряду с плитами песчаника, глыб рваного камня и других материалов. Могилы зачастую представляют собой уже не каменные ящики,

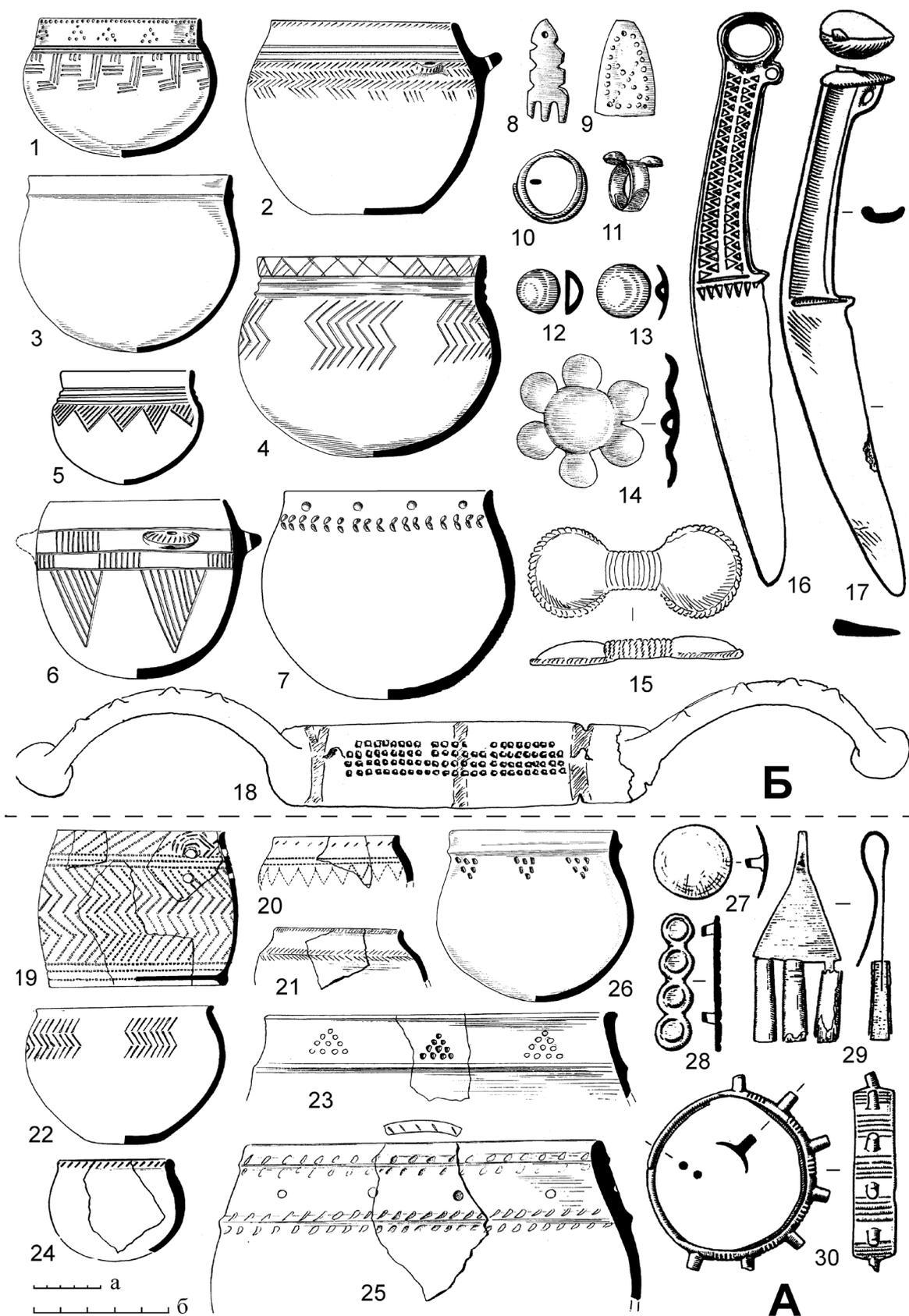

Рис. 5. Материалы атипичной линии развития II этапа ЭПБ

Белое Озеро I: 1 – курган 71; 2 – курган 66; 3 – курган 7; 10 – курган 16; 12 – курган 15; 13 – курган 67, могила 2.
 Арбан I: 4 – могила 61. Подсинья I: 5 – могила 3; 11 – могила 2; 16 – могила 1. Кутень-Булук: 6, 8 – курган 6, могила 2;
 9 – курган 11, могила 1; 14 – курган 13, могила 1. Бейская Шахта: 7 – могила 3; 15, 18 – могила 1; 17 – могила 2.
 Торгажак: 19–25 – материалы поселения. Чазы: 26–30 – курган 1, могила 1. Масштабы: а – для керамики; б – для вещей.

а грунтовые ямы со срубом и бревенчатым перекрытием, либо ямы с дополнительной, иногда частичной, облицовкой плитами. Единично встречаются «комбинированные» ограды – конструкции, у которых одна из стен, юго-западная или северо-восточная, отличается от трех остальных способом сооружения (сочетание горизонтальной кладки и врытых на ребро плит) или материалом (сочетание плит песчаника и рваного камня). Погребенные в таких оградах всегда ориентированы головой в сторону выделенной стенки (Чазы, курганы 2, 7). Вероятно, с этой же группой населения связано возрождение обычая установки вертикальных стел в углах ограды. Подобные конструкции широко представлены в культуре херексуров Монголии и Тувы. Причем, там они имеются не только у прямоугольных оград, но и у круглых сооружений (Худяков, 1987, рис. 1-3; Новгородова, 1989, с. 213). Их ближайшим аналогом является круглая ограда с четырьмя вертикальными стелами, расположенными через равные промежутки, обнаруженная в кургане 5 могильника Анчил чон на юге Хакасии (Bokovenko, Legrand, 2000). По составу инвентаря эти погребения мало отличаются от остальных захоронений II этапа ЭПБ. Можно только отметить наличие в женских погребениях устойчивого набора украшений, в который входили массивные серьги нескольких типов («желобчатые», с цилиндрическими выступами, с «кнопками»), пластинчатые браслеты с точечным орнаментом, перстни, височные кольца, ярусные бляшки, пуговицы с петелькой, составные или цельнолитые лапчатые привески (рис. 5: 27-30).

В конце II этапа ЭПБ на юге Хакасско-Минусинской котловины появляется целый ряд комплексов, которые можно условно выделить в хронологический горизонт II-б*. От захоронений предшествующего вре-

мени их отличает постоянное использование рваного камня для сооружения оград, грунтовые могильные ямы с деревянными конструкциями и бревенчатыми перекрытиями. Среди оград встречаются «комбинированные» конструкции и «овальные» сооружения в виде квадрата со скругленными углами или овала. Наряду со «свободной» схемой размещения погребений, используется «линейная» система, когда захоронения взрослых и детей образуют один общий ряд могил. Погребенные в них люди лежат, преимущественно, на боку вполоборота, но уже встречаются и первые захоронения на спине. В этих комплексах появляются предметы неизвестного назначения (ПНН), бронзовые накладки на ножны, цельнолитые шестилепестковые бляхи-розетки (рис. 5: 14, 15, 18). Массивные серьги и пластинчатые браслеты выходят из употребления, а составные лапчатые привески сменяются треугольными пластинками с точечным орнаментом (рис. 5: 9)**. Сосуществуют два типа пуговиц: с петелькой и с перемычкой (рис. 5: 12, 13). Большинство ножей имеет выраженную коленчатую форму (рис. 5: 16, 17). Представлены все основные виды наконечников, кроме трехкнопочных. Преобладают грибовидные окончания, но уже не круглые, как в ранних комплексах II этапа ЭПБ, а овальные в плане (рис. 5: 17). Посуда отличается несколько более вытянутыми пропорциями и намечающейся «яйцевидностью» форм. Эпизодически встречаются «бадейки» и сосуды с ручками (рис. 5: 2, 6). Венчики некоторых горшков орнаментированы рядом насечек по краю, разреженных оттисков штампа или треугольников, обращенных вершиной вверх (рис. 5: 1, 2, 4). Большинство особенностей именно этой группы памятников в несколько трансформированном виде продолжают свое существование в комплексах следующего хронологического горизонта III-а.

К периоду II-б можно причислить захоронения группы 1 могильника Белое Озеро I, курганы 6 и 13 Сабинки II, часть погребений Арбана I и Кутень-Булука, могильники Бейская Шахта, Подсиня I, Орак I.

III этап.

Период наиболее динамичного развития и максимального территориального распространения культуры. Население, оставившее памятники этого времени, не только освоило всю территорию Хакасско-Минусинской котловины, но и проникло далеко на запад в пределы Мариинской лесостепи, где активно контактировало с ирменцами. Расширение территории привело к образованию целого ряда

* По вопросу выделения памятников хронологического горизонта II-б между авторами имеются некоторые расхождения. А.В. Поляков полагает, что перечисленные погребения могут относиться к довольно узкому переходному хронологическому периоду на стыке II и III этапов. Толчком к их появлению могла послужить дополнительная миграция населения с территории Центральной Азии в конце II этапа ЭПБ. С ее воздействием он связывает появление оград из рваного камня, грунтовых могил, распространение предметов неизвестного назначения, блях-розеток и коленчатых ножей. По мнению И.П. Лазаретова, эти конструкции и предметы были присущи атипичной группе с момента ее появления на Среднем Енисее. В частности, блях-розетки из комплексов хронологического горизонта II-б, являются уменьшенными цельнолитыми копиями крупных составных изделий начала II этапа, известных нам, главным образом, по случайным находкам. Зачаточная коленчатость уже проявляется у большинства ножей начала II этапа. Со временем она только прогрессировала и достигла максимума в памятниках III этапа ЭПБ. Это не отрицает возможности инфильтрации в Южную Сибирь небольших групп населения и отдельных индивидуумов с территории Тувы и Монголии. Культурные связи Хакасско-Минусинской котловины с центрально-азиатским регионом, установившиеся в конце I – начале II этапов ЭПБ, сохранились на протяжении всего предскифского периода.

** На составных лапчатых привесках, в том числе и на приведенном в таблице экземпляре (рис. 5: 29), нанесен точечный орнамент, идентичный орнаментам на треугольных пластинках. По-видимому, эти предметы имели близкое смысловое и функциональное назначение. Более простые и технологичные треугольные пластинки быстро вытеснили сложные составные изделия.

имеющих свои специфические особенности: южной (междуречье Абакана и Енисея), правобережной (правый берег Енисея), юго-западной (левый берег Абакана до устья Камышты), центральной (северная часть собственно Минусинской котловины) и северной (Сыда-Ербинская, Чулымо-Енисейская и Назаровская котловины). От основной массы комплексов I и II этапов памятники этого времени отличает широкое применение в погребальных сооружениях глыб рваного камня, галечника и других природных материалов. Ведущим типом могильных конструкций становятся грунтовые ямы с бревенчатыми срубам и перекрытиями. Плиты песчаника используются реже и только там где имеются его выходы. На протяжении всего III этапа ЭПБ сохраняется основной набор бронзовых предметов, сложившийся в комплексах хронологического горизонта II-б (предметы неизвестного назначения (ПННы), ножи различных типов, накладки на ножны, шестилепестковые бляхи-розетки, перстни, лапчатые привески, треугольные пластинки с точечным орнаментом). Изменяются, главным образом, их размеры и детали оформления. Сосуды обретают «яйцевидную» форму, увеличиваются в объеме. Орнаментация зоны венчика является теперь обязательным элементом украшения посуды. Внутри III этапа ЭПБ намечается разделение памятников на ранние и поздние группы, границы между которыми достаточно условны.

Хронологический горизонт III-а. Исчезают сооружения со скругленными углами. Все конструкции теперь имеют четко выраженную прямоугольную форму. Сокращается число «комбинированных» оград. В единичных экземплярах встречаются «фигурные» ограды – сооружения, стенки которых имеют сильный прогиб внутрь. В плане такая конструкция напоминает четырехлучевую звезду. Доминирующей становится «строгая» система размещения погребений взрослых в ряд по линии СЗ–ЮВ и выносом детских захоронений к северо-востоку от него. «Линейная» схема размещения пристроек встречается теперь в виде исключения. В южной и правобережной группах преобладает положение погребенных на спине, в центральной и северной – возможны оба варианта позы, в юго-западной группе сохраняется положение на боку вполоборота.

Особенно заметны изменения в керамике. В могильниках южной, юго-западной и правобережной групп стандартный объем посуды резко возрастает, достигая 5–8 литров. Практически полностью исчезают сосуды с ручками и бадейкообразные сосуды, характерные для II этапа ЭПБ. Их сменяют горшки на поддонах (рис. 6: 22, 23). Формованные валики дублируются, смещаются в область шейки сосудов, часто замещая собой прочерченные линии (рис. 6: 20). В орнаментации преобладают различные вариации

рядов наклонных оттисков штампа. Процент геометрических элементов заметно снижается. У абсолютного большинства сосудов венчики теперь декорированы. Наиболее показательна для памятников этапа III-а орнаментация в виде горизонтального зигзага по венчику (рис. 6: 20). Преобладают пуговицы с перемычкой, изделия с петелькой встречаются уже в виде исключения (рис. 6: 25). Бляхи-розетки уменьшаются в размерах (рис. 6: 24). Продолжают существование ножи с гардой и петелькой под навершием (рис. 6: 27). Кольцевидные, двукольчатые и зооморфные навершия встречаются в виде исключения. Количество полноразмерных ножей, носившихся в ножнах на поясе или на правом бедре, в захоронениях постоянно сокращается. В погребения помещают изделия длительное время бывшие в работе, неоднократно раскованные и заточенные. Их постепенно сменяют миниатюрные столовые ножи и обломки клинков, находящиеся в могилах на блюде с мясом жертвенного животного.

К периоду III-а относятся погребения южной части группы 2 могильника Белое Озеро I, курганы 3 и 7 Анчил-чона, курганы 2-4 Уйбата III, часть поздних захоронений Арбана I и Кутень-Булука, могильники Майский, Карасук IV, Карасук VIII, Каменный Лог II, Орак II, Нижняя Коя.

Хронологический горизонт III-б. Наименее выразительный период, связанный с максимальной стабилизацией и стандартизацией культуры. Определяется не столько по наличию самостоятельных элементов, сколько по отсутствию ранних и поздних признаков. «Комбинированные» и «фигурные» ограды исчезают, уступая место стандартным сооружениям, исполненным в единой манере и из одного материала. «Строгая» система размещения погребений взрослых в ряд по линии СЗ–ЮВ и выносом детских захоронений к северо-востоку от него становится единственно возможной. На большей части территории окончательно оформилось положение погребенных на спине, и только в юго-западной группе иногда практиковались захоронения на боку вполоборота.

Посуда теперь уже северной и центральной групп увеличивается в объеме. В южной и правобережной группах возрастает количество погребений с двумя сосудами. Украшение зоны венчика для них становится строго обязательным. Наиболее показательна орнаментация, состоящая из групп разнонаправленных оттисков штампа на венчике сосудов (рис. 6: 11). Пуговицы с петелькой больше не встречаются. Получают распространение массивные литые браслеты (рис. 6: 18). Ножи утрачивают гарды и петельки. Безраздельно преобладают грибовидные навершия (рис. 6: 15). Размеры ножей постоянно сокращаются. Массивные изделия встречаются уже в виде исключения.

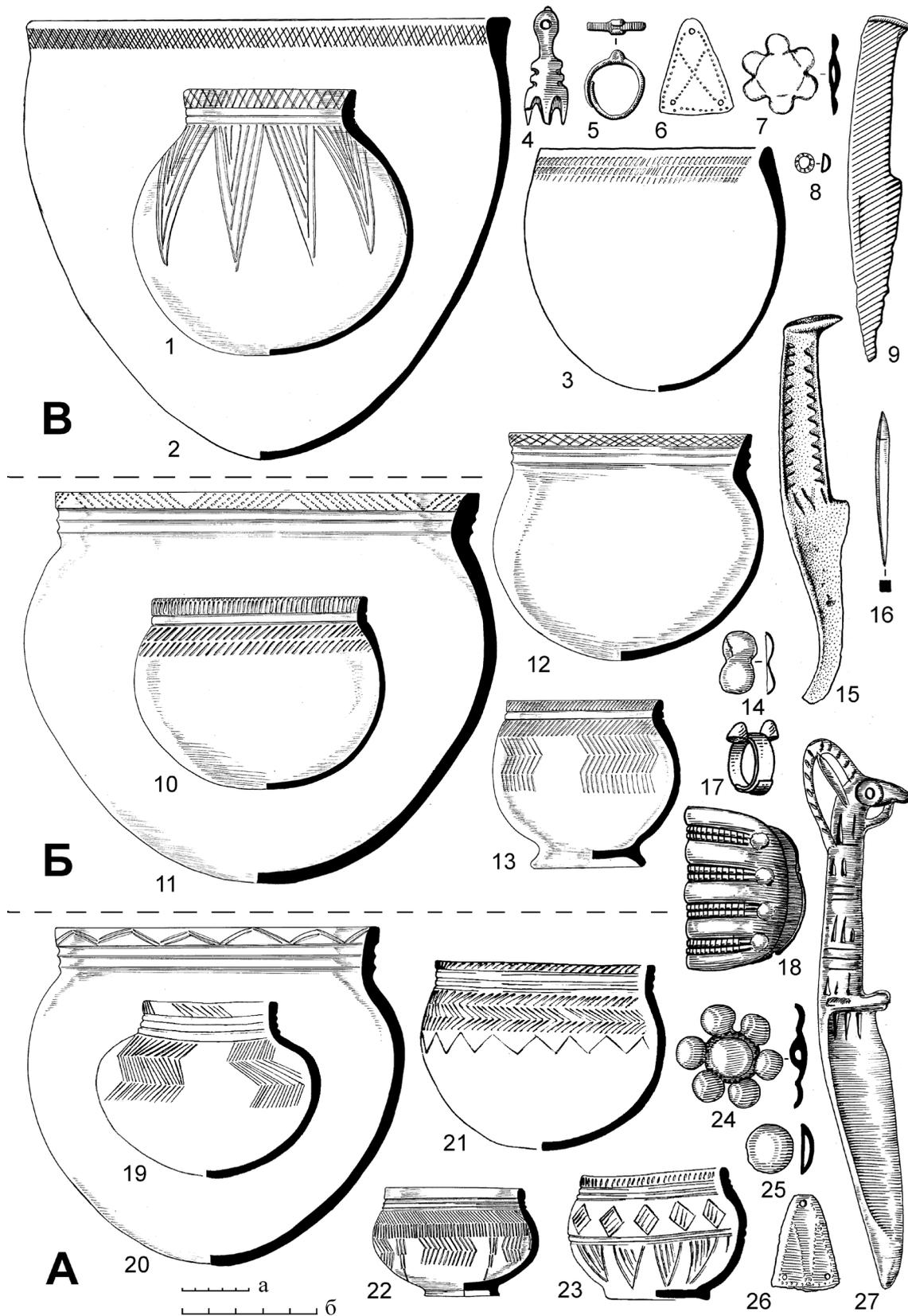

Рис. 6. Материалы погребений III этапа ЭПБ

Белое Озеро I: 1, 4 – курган 59, могила 3; 10 – курган 60; 11 – курган 57; 12 – курган 36; 13 – курган 59, могила 4; 14 – курган 34, могила 1; 16 – курган 2, могила 2; 20, 24 – курган 69, могила 1; 22 – курган 20, могила 2; 25 – курган 64; 26 – курган 75, могила 1. Арбан III: 2 – курган 1, могила 1. Калы: 3, 5, 9 – курган 3, могила 1. Лугавское III: 6 – курган 7, могила 1; 7 – курган 3. Волчий Лог: 8 – могила 3; 15, 17 – могила 5. Федоров Улус: 18 – могила 17. Карасук IV: 19 – курган 2; 21 – курган 10. Карасук VIII: 23 – курган 3, могила 2. Подкунинские Горы: 27 – могила 1. *Масштабы*: а – для керамики; б – для вещей.

К этому периоду можно отнести погребения центральной части группы 2 могильника Белое Озеро I, курганы 1 и 3 могильника Мочажная Гора, Арбан IV, Федоров Улус, Волчий Лог, Карасук VI, материалы поселения и часть погребений могильника Кривая VI.

Хронологический горизонт III-в. Появляется сразу несколько новых разновидностей оград: «смешанные», «скобчатые», «трапециевидные». «Смешанные» ограды – конструкции, у которых две стенки (юго-западная и северо-восточная) целиком сооружены из плит врытых на ребро или уложенных плашмя, а на двух других стенках (северо-западной и юго-восточной) участки горизонтальной кладки равномерно чередуются с вертикально врытыми плитами. «Скобчатые» – прямоугольные сооружения из камней, уложенных на древнюю погребенную поверхность, имеющие в середине двух, трех или всех четырех стенок разрывы в кладке, запертые врытыми на ребро плитами. В плане такая конструкция напоминает угловые или квадратные скобки. «Трапециевидные» – конструкции, у которых длина северо-восточной стенки намеренно увеличена, по сравнению с юго-западной, вследствие чего ограда в плане приобретает вид трапеции. Камни северо-восточной стенки у таких сооружений, как правило, более массивны и тщательно подобраны, а погребенные в них люди всегда ориентированы головой на ЮЗ. Положение покойников на спине становится общим для всех локальных групп памятников.

Начинается разделение посуды на два типа: слабопрофилированные сосуды с широким устьем (рис. 6: 2, 3) и сферические сосуды с высоким узким горлом (рис. 6: 1). В южной и правобережной группах присутствие двух горшков в погребении, большого и малого, становится нормой. Большой сосуд ставится у головы погребенного, малый горшок помещается рядом или смещается к ногам. Ножи теперь чаще располагаются не на мясе животного, а на малом сосуде. Появляются миски – горшки с оббитым верхом. Повсеместно исчезают налепные и формованные валики. Наиболее показательная орнаментация зоны венчика, особенно массовая в юго-западной и южной группах памятников, – ряд оттисков штампа, рассеченный разреженными насечками противоположного направления (рис. 6: 1, 2). Количество бронзовых украшений постепенно сокращается, а сами они заметно уменьшаются в размерах. Распространяются миниатюрные бляхи-розетки и перстни с рудиментарными выступами (рис. 6: 5, 7). Продолжают существование ножи с грибовидным окончанием рукояти, без петельки и гарды (рис. 6: 9), но в конце периода уже появляются первые пластинчатые изделия с кольцевым навершием.

К периоду III-в можно причислить погребения северной части группы 2 могильника Белое Озеро I,

могильники Куйбышево, Калы, Маткечик, Арбан III, Усть-Бюрь IV, материалы поселения и части погребений Устинкино, поселение Бырганов IV.

IV этап.

Сравнительно короткий период, ознаменовавшийся окончательной выработкой специфических форм посуды и элементов погребального обряда, частично продолживших свое существование в комплексах тагарской культуры скифского времени.

Хронологический горизонт IV-а. Возрастает количество «трапециевидных» и «скобчатых» оград. Окончательно оформляется разделение посуды на два типа: слабопрофилированные банки с широким устьем (рис. 7: 13-15) и сферические сосуды с высоким узким горлом (рис. 7: 16, 17). Около половины сосудов уже имеют уплощенное дно. Количество поддонов резко сокращается, их замещают «выкружки» у дна (рис. 7: 15, 16). Способы украшения посуды, в основном, остаются прежними, но орнаментация зоны венчика теперь уже не играет самостоятельной роли.

Исчезают треугольные пластинки с точечным орнаментом, а миниатюризация блях-розеток и перстней достигает предела (рис. 7: 18). Появляются бронзовые перекрестники ремней (рис. 7: 11; 20). Пластинчатые ножи с кольцом и ножи без навершия полностью вытесняют изделия с грибовидной шляпкой (рис. 7: 22).

К этому периоду можно отнести погребения группы 3 могильника Белое Озеро I, часть захоронений могильников Аскиз VI и Устинкино.

Хронологический горизонт IV-б. Процент «скобчатых» и особенно «трапециевидных» оград достигает своего максимума. Вся посуда имеет уплощенное дно. Формируется новый довольно устойчивый орнаментальный канон – несколько прочерченных линий или рядов оттисков штампа, часто дополненных горизонтальным зигзагом, группами оттисков палочки или ромбическими фигурами (рис. 7: 1, 2, 4, 5). Получает распространение украшение в виде «жемчужин». С течением времени способы орнаментации все более упрощаются, появляются не декорированные сосуды. Наряду с пластинчатыми ножами с кольцом или без навершия (рис. 7: 8), встречаются изделия с полукольцом (аркой на кронштейне) (рис. 7: 9). Появляются шилья с грибовидной шляпкой (рис. 7: 7).

К периоду IV-б относятся могильники Баинов Улус, Ильинская Гора, Монок, Кривая I, курган 5 могильника Белое Озеро I, курганы 1-4, 14 Сабинки II, курганы 10, 15-17 могильника Ефремкино, курган Дальний, курган 4 могильника Мохов II, курганы 4 и 16 могильника Минусинск VII, курган 2 могильника Малые Копены I, курган 9 могильника Самохвал, большинство захоронений в могильниках Аскиз V и Бырганов V, сооружение-све на горе Чиланныг тах.

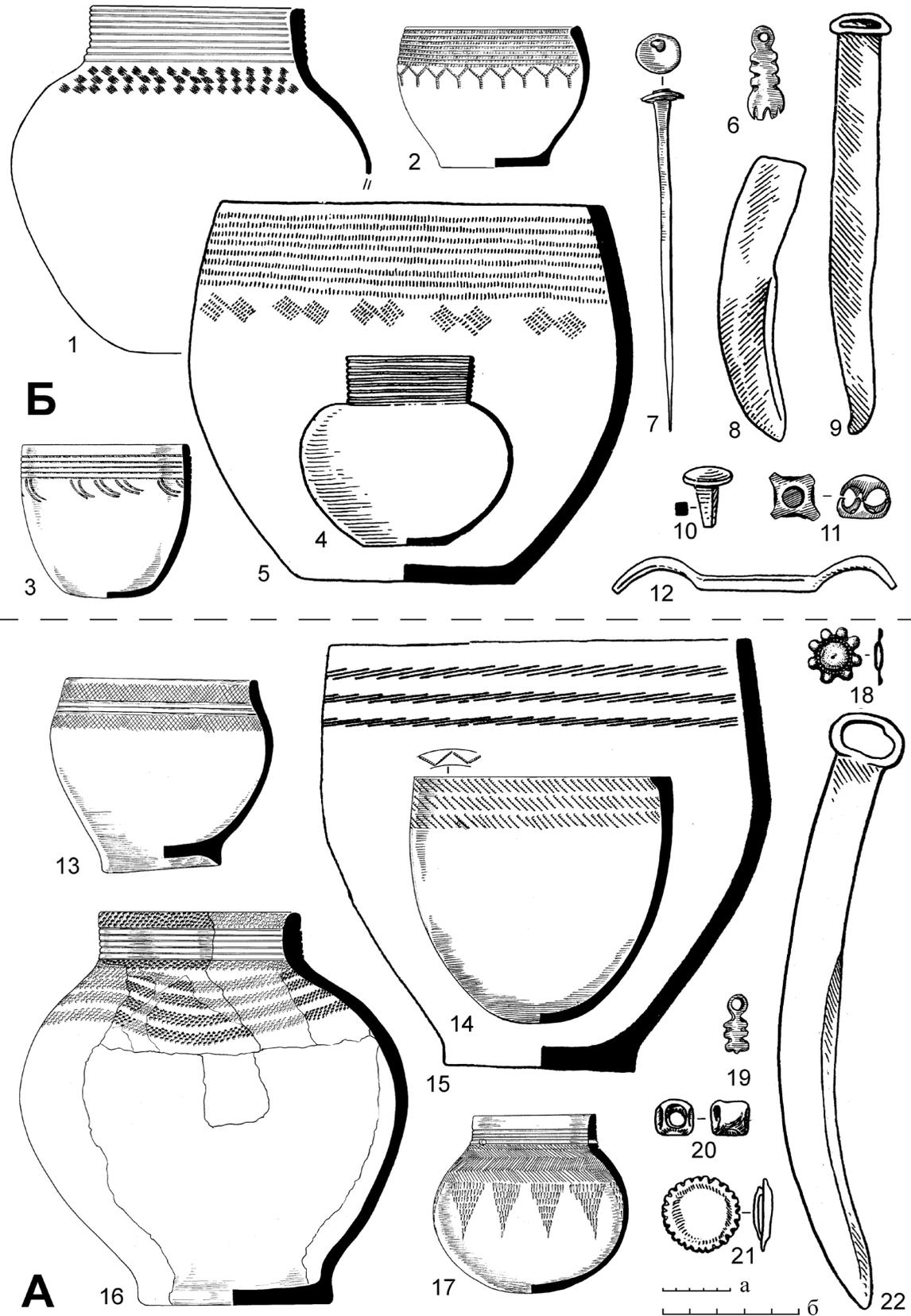

Рис. 7. Материалы погребений IV этапа ЭПБ

Бырганов V: 1, 6, 11 – курган 9, могила 7; 7 – курган 2, могила 2. Лугавское III: 2 – курган 1. Белое Озеро I: 3 – курган 5, могила 1; 13 – курган 63, могила 3; 14 – курган 53; 16 – курган 40, могила 2; 17, 19 – курган 62, могила 2. Байнов Улус: 4 – курган 1; 8 – курган 4. Самохвал: 5 – курган 9, могила 2. Ильинская Гора: 9 – курган 1. Минусинск VII: 10, 12 – курган 4, могила 1. Ефремкино: 15 – курган 8; 20, 21 – курган 7. Усть-Чуль: 18 – курган 6, могила 3. Аскиз VI: 22 – курган 3. Масштабы: а – для керамики; б – для вещей.

Определив в общих чертах тенденции развития комплексов во времени и пространстве, можно приступать к реконструкции культурно-исторических процессов, протекавших в Хакасско-Минусинской котловине в предскифское время. Участие пришлого населения в сложении комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири сегодня признают и противники и сторонники преимущественно автохтонного происхождения культуры. Спорным вопросом остается общее направление связей (западное или юго-восточное) и весомость вклада мигрантов. Немаловажное значение для решения проблем происхождения культуры, в данном случае, имеет географический фактор. Есть все основания полагать, что на момент сложения комплексов I этапа ЭПБ территорию Среднего Енисея занимали представители двух археологических культур: андроновской и окуневской (Вадецкая, 1986, с. 36, 46; Лазаретов, 2001, с. 104; Молодин, 1992, с. 29; Савинов, 2002, с. 24, 32). Граница между ними проходила, вероятно, по широте современного города Абакан. Примечательно, что зона распространения комплексов хронологического горизонта I-а (Чулымо-Енисейская, Сыда-Ербинская и северная часть Минусинской котловины) почти в точности повторила локализацию предшествующих андроновских памятников. Их нет только в Назаровской котловине, примыкающей к лесостепному «коридору», соединяющему Средний Енисей с Западно-Сибирской равниной. Ранних памятников I этапа ЭПБ не обнаружено и на юге Хакасии на территории распространения окуневской культуры. Соответственно, участие юго-восточных мигрантов в сложении культуры начальной стадии эпохи поздней бронзы полностью исключается. Существовавшая в это время на юге Минусинской котловины окуневская «пробка» препятствовала любым контактам с центрально-азиатским регионом. Так как северо-западный и южный путь были перекрыты, группа населения, ставшая основой для формирования культуры эпохи поздней бронзы, могла проникнуть в Хакасско-Минусинскую котловину только с запада, через Кузнецкий Алатау.

Происхождение комплексов I этапа ЭПБ отчасти может быть связано с памятниками енисейского варианта андроновской культуры. Элементы сходства между ними, несомненно, имеются. Общими являются способы возведения оград и форма самих сооружений, наличие прямоугольных каменных ящиков и захоронений в цистах на горизонте, положение погребенных на левом боку и характер размещения инвентаря в могилах (Вадецкая, 1986, с. 61–62). Наиболее полно, по мнению ряда исследователей, преемственность прослеживается в формах и орнаментации керамики (Максименков, 1978, с. 114–119; Грязнов, 1981, с. 31–33). Однако необходимо уточ-

нить, что все перечисленные особенности присущи не только енисейским андроновцам, но и другим группам населения этой обширной культурно-исторической общности. Определить, какие из них привнесены извне, а какие заимствованы мигрантами или сформированы на месте пока затруднительно. Судя по отсутствию смешанных комплексов и изделий переходных форм, на большей части территории Среднего Енисея процесс смены культур проходил достаточно скоротечно. Местные андроновцы, вероятно, были вытеснены пришлым населением в пределы Назаровской котловины, где продолжали существовать на протяжении всего I этапа и, возможно, II этапа ЭПБ. Именно на границе этой контактной зоны в могильниках Ужур и Орак у Болота отмечены единичные случаи механического сочетания обрядовых особенностей двух погребальных традиций (Комарова, 1975, с. 85–94; Членова, 1966, с. 212–228).

Наряду с элементами сходства, между комплексами эпохи поздней бронзы и енисейскими андроновцами имеются существенные расхождения. Трапезиевидные ящики, поза покойников на левом боку вполоборота, северо-восточная ориентировка погребенных, посуда с четко выраженным уступом и цельнолитые ножи эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины при всем желании не обнаруживают местных истоков. Еще С.В. Киселев, бывший последовательным сторонником центрально-азиатской гипотезы происхождения, тем не менее отмечал, что такие особенности керамики эпохи поздней бронзы Южной Сибири как наличие уступа, неорнаментированная полоса на шейке и некоторые геометрические элементы декора роднят ее с позднеандоновской (алакульской) посудой (Киселев, 1951, с. 139). Эти наблюдения приобретают особую значимость в связи с тем, что зона распространения собственно алакульских памятников сегодня может быть значительно сдвинута на восток и северо-восток. Поселения и могильники этого варианта андроновской общности известны за пределами Казахстана, в бассейне Иртыша (Сотникова, 1988, с. 76–78). Алакульские украшения и отдельные элементы декора посуды обнаружены в целом ряде андроновских комплексов Верхней Оби, что позволяет моделировать для этого региона наличие двух переселенческих волн. Первая была чисто федоровская, а вторая – смешанная федоровско-алакульская (Киришин, 1988, с. 63; Хабарова, 1994, с. 64–66). Не исключено, что одна из групп населения, участвовавшая в этом движении и сохранившая преимущественно алакульские навыки гончарства, могла продвигаться до Енисея, приняв участие в формировании комплексов I этапа ЭПБ. В качестве исходного пункта миграции может гипотетически рассматриваться территория Казахстана, где представлен весь спектр инноваций,

отличающих ранние памятники эпохи поздней бронзы от енисейских андроновцев. Там эпизодически встречаются погребения в трапециевидных каменных ящиках, северо-восточная ориентировка покойников и захоронения в характерной позе – на левом боку вполоборота (Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966, рис. 33; Маргулан, 1970, рис. 12). Бронзовые ножи с кольцевым навершием, обнаруженные в Казахстане, могут рассматриваться как возможные прототипы енисейских изделий. Они не орнаментированы, имеют острую грань на обушке и кольцевом навершии, а также характерную вогнутость рукояти (Евдокимов, Варфоломеев, 2002, рис. 27, 1, 3). Главное отличие заключается в том, что казахстанские ножи отливались в односторонних формах, вследствие чего одна сторона у них всегда плоская. Появление симметричных енисейских ножей, возможно, объясняется переходом к более сложной технике литья в двусторонних формах.

Данные антропологии также свидетельствуют в пользу западного происхождения основной части населения I этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. От енисейских андроновцев, сохранивших чистоту своего типа, его отличает брахикrania и наличие некоторой монголоидной примеси. Их присутствие первоначально объяснялось участием потомков окуневцев в генезисе карасукского населения (Рыкушина, 1976, с. 192–196; 1979, с. 7–9). В дальнейшем выяснилось, что данные особенности имеют другую природу и отличаются иными морфологическими чертами, а окуневская примесь если и существовала, то не оставила существенного следа в карасуком генофонде. По данным же краниоскопического анализа антропологические материалы I этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины объединяются не с енисейскими андроновцами, как можно было бы ожидать, а с андроновцами Верхнего Приобья (Громов, 2002, с. 23–26, рис. 6)*.

В качестве еще одной составляющей процесса формирования комплексов I этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины можно предполагать некоторое, возможно очень незначительное, участие населения еловской культуры. В материалах раннего этапа эпохи поздней бронзы Среднего Енисея имеются отдельные сосуды, ножи без навершия и прямоугольные каменные бруски с отверстиями сопоставимые с изделиями Еловского I и отчасти Еловского II могильников. Если исходить из того, что происхождение этих памятников связано с западной миграционной волной, то появление в них еловских реминисценций выглядит вполне естественным.

* В работах Г.В. Рыкушиной и А.В. Громова сопоставление ведется по территориальному признаку. При этом необходимо учитывать, что в их северную группу вошли серии, преимущественно, из ранних могильников, а в южную попали материалы, главным образом, из поздних комплексов ЭПБ.

Ранняя группа комплексов хронологического горизонта I-б не несет каких-либо свидетельств инноваций или внешних культурных импульсов. Она отражает период естественного развития культуры за счет утраты некоторых андроновских черт и формирования собственных специфических особенностей. Продолжается стандартизация и унификация погребальных сооружений, обряда и инвентаря. Сосуды приобретают более приземистые пропорции и округлое дно. Уменьшается высота венчиков. Сокращается количество посуды с геометрическим орнаментом. Бронзовый инвентарь остается неизменным, но ножи без навершия больше не встречаются. В этот период происходит расширение ареала памятников эпохи поздней бронзы. Комплексы хронологического горизонта I-б распространяются в южной части Минусинской котловины, на территориях, ранее занятых окуневской культурой. Именно здесь в памятниках конца I – начала II этапов ЭПБ появляются отдельные окуневские реминисценции. В качестве таковых можно отметить находку сосуда с характерной орнаментацией дна в могильнике Анчил чон и каменного изваяния из поселения Торгажак (Vokovenko, Legrand, 2000; Савинов, 1996, рис. 5). Не исключено, что массовый переход от северо-восточной к юго-западной ориентации покойников в комплексах II этапа ЭПБ на юге Минусинской котловины отчасти может быть связан с наследием окуневской погребальной традиции.

Прежде чем приступать к дальнейшей реконструкции событий, необходимо вернуться к проблеме терминов и их содержанию. В нашем понимании корректное использование названия «карасукский» допустимо только применительно к памятникам и вещевому комплексу I этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины (рис. 2). Вопреки сложившемуся устойчивому мнению, эта группа населения занимала ограниченную, даже в масштабах Среднего Енисея, территорию и обладала весьма скудным, маловыразительным бронзовым инвентарем. Из массивных предметов действительно карасукскими могут считаться только ножи с кольцевым навершием, да и то одного специфического типа. От изделий с кольцом более позднего времени их отличает несколько характерных признаков: рукоять без выраженного перехода к лезвию с двояковогнутым профилем, острые грани на обушке и навершии, отсутствие орнаментации. Кинжалы, ножи с грибовидными шляпками, с трехкнопочными и зооморфными навершиями, перстни, лапчатые привески, а также целый ряд других бронзовых предметов отсутствуют в комплексах I этапа ЭПБ и должны быть исключены из номенклатуры карасукских изделий. Наиболее ярким проявлением карасукской группы памятников может считаться характерная посуда приземистых

пропорций с высоким гладким венчиком, лощеная и украшенная пышной геометрической орнаментацией. Ее формирование связано с западным, по-видимому, посталакульским импульсом, возможно, при некотором участии еловского и местного андроновского населения. Широко распространенное мнение о глобальном влиянии карасукцев или их участии в сложении культур эпохи поздней бронзы Казахстана, Алтая и Западной Сибири в данной ситуации представляется нам ошибочным. Скорее речь может идти о некоторых элементах сходства, обусловленных общей андроновской подосновой всех этих культур.

Разрушение окуневской «пробки» на этапе I-б и выход карасукцев в предгорья Западных Саян имели далеко идущие последствия. Именно в этот момент произошло событие, влияние которого на дальнейшее развитие культуры эпохи поздней бронзы Среднего Енисея трудно переоценить. В целом ряде карасукских памятников финала I этапа ЭПБ фиксируются отдельные захоронения и территориально обособленные скопления погребений, резко отличающиеся по своему облику от основной массы могил. Они представляют иную, не карасукскую этническую группу. По профилировке, технологическим особенностям и способам украшения посуда из этих погребений сходна с керамикой саргаринско-алексеевской культуры Казахстана. Ее отличает несколько более сложная и насыщенная орнаментация (рис. 3). Вместе с валиковой керамикой в Южной Сибири появляется серия бронзовых изделий, также связанных своим происхождением с наследием андроновской культурно-исторической общности: лапчатые привески, биконические перстни, квадратные бляшки с четырьмя приливами, серпы сосново-мазинского типа. Если бы речь шла только об этих бронзах и посуде, факт прямого проникновения с запада на Средний Енисей еще одной постандроновской группы населения из Казахстана можно было бы считать установленным.

Парадокс заключается в том, что появление на Енисее валиковой керамики сопровождалось массовым распространением в памятниках II этапа ЭПБ и другой группы бронзовых изделий, происхождение которых связано с центрально-азиатским регионом. В частности, исходной формой для минусинских трехкнопочных ножей (рис. 4: 15) могут считаться предметы найденные в Северо-Западном Китае. Они имели кольцевое навершие, дополненное цилиндрическими выступами-трубочками с бирюзовыми вставками (Bunker, Kawami, Linduff, Wu, 1997, p. 120, fig. 5). Нож переходного типа с редуцированными цилиндрическими выступами, уже без бирюзовых вставок, обнаружен в Монголии (Новгородова, 1989, с. 133: 10). Ту же последовательность развития демонстрируют массивные серьги. Золотые изделия с цилиндрическими выступами-трубоч-

ками и бирюзовыми вставками происходят из «фигурной» ограды могильника Тэвш-уул в Монголии. Концы монгольских заколок украшены головками козла, аналогичными скульптурным изображениям на навершиях минусинских ножей. Это сходство просматривается даже в деталях: тот же схематизм в передаче головы животного, крупные ноздри, отвисшая нижняя губа, тщательная проработка витых рогов и оформление глаз в виде поллой трубочки (Новгородова, 1989, с. 137–138). На территории Среднего Енисея подобные серьги, но уже бронзовые, без головок животного и бирюзовых вставок, найдены в могильниках Чазы и Белый Яр V (Паульс, 2000, с. 109–110). Монгольские и минусинские изделия объединяют общее функциональное назначение, сходные размеры, наличие щитка с поперечными бороздками и припаянными цилиндрическими выступами. Совпадает общее число выступов на парных серьгах – 14. У ранних минусинских экземпляров еще сохранились западины под не существующие вставки (рис. 5: 30). Конечный пункт трансформации монгольских заколок – серьги из могильника Минусинск-кладбище, которые украшены не цилиндрическими выступами, а выпуклыми «кнопками», как и навершия ножей. Такие способы оформления изделий уже в момент их появления на Енисее были декоративным рудиментом, лишенным функциональной нагрузки. Не случайно именно эти типы ножей и серьги в первую очередь выходят из употребления. Другие формы наверший ножей II этапа ЭПБ (грибовидные, зооморфные, двуколычатые) также имеют соответствия среди находок в Северном Китае и Монголии. Их объединяет множество общих деталей – наличие шипа-гарды, дополнительного колечка для подвешивания, основные виды сечений рукоятей и элементы орнаментации. На оленных камнях Монголии данные типы ножей изображены в комплекте с ножнами, имеющими трапециевидное расширение в нижней части. Эта же характерная особенность присуща бронзовым накладкам, обнаруженным в Хакасско-Минусинской котловине (Буров, 1987, с. 77; Савинов, 1994, табл. XVI: 12, 13).

Особо следует отметить, что в погребениях II этапа эпохи поздней бронзы Среднего Енисея обе совокупности бронзовых предметов (постандоновские и центрально-азиатские) залегают совместно. В женских захоронениях они образуют единый устойчивый набор украшений, куда входили массивные серьги, височные кольца, ярусные бляшки, пуговицы с петелькой, зеркала и составные или цельнолитые лапчатые привески (рис. 5: 27–30). В конкретном погребении одна или две категории предметов могли отсутствовать, но в целом комплектность оставалась неизменной. Отметим также, что аналогичные наборы в погребениях предшествующего времени

нам неизвестны, а большинство изделий, их составляющих, не имеют прототипов в комплексах I этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины. Возникшее противоречие может быть устранено, если принять во внимание точку зрения, высказанную С.В. Киселевым, о возможном воздействии андроновцев Восточного Казахстана на бронзолитейное производство в Северном Китае (Киселев, 1960, с. 264–265). В последние десятилетия география и номенклатура бронзовых предметов андроновского происхождения, найденных в этом регионе, непрерывно расширялась (Бехтер, Хаврин, 2002; Заднепровский, 1992, 1993; Кузьмина, 1994; Молодин, 1998; Хаврин, 1992, с. 45–46). Причем, речь идет уже не о проникновении отдельных элементов культуры, а о продвижении на территорию Северо-Западного Китая населения с андроновским антропологическим типом (Кучера, 1988; Молодин, Алкин, 1997; Чуев, Китов, 2007). В дальнейшем, одна из таких групп постандроновцев (саргаринцев) могла через Туву мигрировать на Средний Енисей, распространив там свой вещевой комплекс, дополненный центрально-азиатскими изделиями в период ее пребывания в Северо-Западном Китае и Монголии. Южный путь проникновения хорошо соотносится с зоной расселения мигрантов на территории Хакасско-Минусинской котловины. Наиболее весомо последствия воздействия атипичной погребальной и керамической традиции проявились в памятниках, расположенных на правом берегу Енисея и в устье реки Абакан. Из этого же района происходит основная масса инновационных бронзовых изделий. В юго-западной группе комплексов II этапа ЭПБ они представлены в меньшем количестве, а в северной – единичными экземплярами.

В нашем понимании II этап эпохи поздней бронзы Среднего Енисея представляет собой достаточно протяженный период сосуществования и взаимодействия двух этнических групп: посткарасукской и атипичной (протолугавской). В посткарасукских памятниках II этапа ЭПБ отмечается повышенная изменчивость погребальных конструкций и обряда. Часть оград и могил сооружается из нетрадиционных материалов. Наряду с обычными каменными ящиками, перекрытыми плитами, эпизодически встречаются грунтовые ямы и конструкции с использованием дерева (рамы, срубы с каменной обставкой, бревенчатые накаты). Варьирует количество сосудов. В центральной группе массовое распространение получают захоронения на правом боку, а в южных районах Минусинской котловины карасукская северо-восточная ориентировка погребенных повсеместно сменяется на юго-западную. Происходят изменения в антропологическом типе населения, за счет усиления европеоидных черт.

По ряду показателей серии из южных могильников II этапа ЭПБ оказываются сходны с андроновцами Казахстана (Громов, 2002, с. 24, рис. 6). Появляется множество новых бронзовых украшений: лапчатые привески, биконические перстни, зеркала, ярусные бляшки, «гвоздики». У ножей изменяется набор наверший: кольцо с тремя кнопками, грибовидные, зооморфные. Под воздействием атипичной керамической традиции происходит трансформация карасукской посуды – удлиняются пропорции горшков, заметно увеличивается их объем. В короткий срок вырождаются и исчезают сосуды с уступом, деградирует пышная геометрическая орнаментация. Распространяется декор из рядов наклонных оттисков штампа, горизонтальных «елочек», различных видов насечек. Спорадически встречаются сосуды, украшенные налепными и формованными валиками. Появляются новые типы посуды: плоскодонные «бадейки» и сосуды с ручками.

Сложнее проследить изменения, происходившие в атипичной группе. Ее крупных погребальных комплексов начала II этапа ЭПБ в чистом виде пока не выявлено, а отдельные случайно обнаруженные на юге Хакасии могилы оказались безинвентарными. Это обстоятельство не должно нас удивлять, так как в культурах эпохи поздней бронзы на территории Тувы и Монголии, откуда и пришла атипичная группа населения, широко практиковался именно безинвентарный обряд захоронения. О ее вещевом комплексе начала II этапа ЭПБ можно судить только по материалам поселений и небольших групп погребений в составе посткарасукских могильников. В них отмечено появление конструкций с угловыми камнями и первые «комбинированные» ограды. Атипичная посуда с валиками становится круглодонной, а ее орнаментация менее насыщенной (рис. 5: 20–26). Насечки в верхней части венчика и ряд ямок уже не являются строго обязательными элементами. К концу II этапа ЭПБ пришлое население воспринимает основные нормы традиционного карасукского погребального обряда. Возникает целый ряд могильников, где погребенные лежат на боку вполоборота, сопровождаются посудой, стандартным комплектом бронзового инвентаря и традиционным набором мяса жертвенного животного. От посткарасукских комплексов II этапа ЭПБ их отличает постоянное использование рваного камня для сооружения оград, грунтовые могильные ямы с деревянными конструкциями и бревенчатыми перекрытиями. Среди оград встречаются «комбинированные» и «овальные» сооружения, а наряду с карасукской «свободной» схемой размещения могил, все чаще используется «линейная». Именно в этих погребениях регулярно появляются бронзовые накладки на ножны, предметы неизвестного назначения, являвшиеся атри-

бутами мужчин воинов, а также шестилепестковые бляхи-розетки, бывшие своеобразным этническим маркером атипичной группы населения. Посуда отличается несколько более вытянутыми пропорциями и намечающейся «яйцевидностью» форм. Однако имеется множество сосудов сходных и даже идентичных изделиям из посткарасукских могильников II этапа ЭПБ (рис. 4: 3; 5: 1). Венчики некоторых горшков орнаментированы рядом насечек по краю, разреженных оттисков штампа или треугольников, обращенных вершиной вверх. Эти способы украшения венчиков в трансформированном виде станут отличительной чертой комплексов следующего хронологического горизонта III-а.

К началу III этапа эпохи поздней бронзы Среднего Енисея происходит окончательное слияние двух групп населения: посткарасукской и атипичной. Вырабатываются общие нормы погребального обряда, единый инвентарный набор и синкретичная керамическая традиция. Образовавшаяся в результате этого взаимодействия единую этническую группу мы называем лугавской*. Ведущие типы бронзовых изделий (ножи с грибовидными шляпками, ПННы, бляхи-розетки, перстни, лапчатые привески, треугольные пластинки с точечным орнаментом) теперь уже равномерно представлены на всей территории Хакасско-Минусинской котловины. Тем не менее, развитие южных районов по-прежнему шло опережающими темпами. Здесь раньше осуществился переход к захоронениям на спине, сформировался обычай постановки двух сосудов для каждого погребенного, и произошло их разделение на два типа. Посуда быстрее увеличивалась в объеме. В этом плане северные районы оказались более консервативны, как и на II этапе ЭПБ. Отдельные проявления карасукского наследия (использование плит песчаника в погребальных сооружениях, северо-восточная ориентировка покойников, геометрические элементы в орнаментации сосудов) в них сохранялись еще довольно продолжительное время, а инновации распространялись с заметным запозданием.

На III этапе ареал распространения памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея значительно расширился, теперь уже в западном и северо-западном направлении. В этот период лугавское население не только освоило территорию Назаровской межгорной котловины, но и продвинулось далеко в пределы Ачинско-Мариинской лесостепи, где активно кон-

тактировало с ирменцами. Причем, это воздействие, в большей степени, имело односторонний характер. Типичные для III этапа эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины изделия и подражания им обнаружены в целом ряде ирменских комплексов (Бобров, Кузьминых, Тенейшвили, 1997, с. 11; Членова, Бобров, 1991). Следов обратного влияния, за редким исключением (Савинов, Бобров, 1983, с. 60–61), практически не ощущается.

В целом III этап эпохи поздней бронзы Среднего Енисея можно охарактеризовать как период самостоятельного развития культуры, без каких-либо внешних влияний и воздействий. Основной набор бронзовых предметов на всем его протяжении оставался неизменным. Повсеместно отмечается лишь процесс их постепенной стандартизации и миниатюризации. Из всего разнообразия наивысшей ножей к концу этапа сохранились только грибовидные шляпки, а сами изделия заметно уменьшились в размерах. В могилы все чаще попадали сработанные и многократно раскоченные изделия и отдельные лезвия ножей. Крупные составные бляхи-розетки начала II этапа преобразовались в цельнолитые, миниатюрные изделия, а к концу III этапа ЭПБ только общим абрисом напоминали свои исходные прототипы (рис. 7: 18). Перстни с двумя коническими выступами превратились в узкие кольца с рудиментарными бугорками.

В финале эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее неожиданно распространяются полно-размерные изделия новых типов: ножи с кольцом и полукольцом (аркой на кронштейне), шилья с грибовидной шляпкой, бронзовые перекрестники ремней (рис. 7: 7, 9, 11, 20, 22). Появляются «трапцевидные» и «скобчатые» ограды. Этот комплекс инноваций, вероятно, связан с внешним влиянием, источник которого еще предстоит установить. Судя по тому, что массовая керамическая традиция, набор украшений не претерпели существенных изменений и продолжали развиваться в русле тенденций, наметившихся еще комплексах III этапа ЭПБ, воздействие носило ограниченный характер. Памятники этого, сравнительно короткого периода, мы выделяем в IV (баиновский) этап эпохи поздней бронзы Среднего Енисея. Под комплексами баиновского типа понимается ограниченный круг памятников, аналогичных эталонному могильнику Баинов Улус. Включение их в состав тагарской культуры скифского времени представляется ошибкой. В погребениях IV этапа ЭПБ отсутствуют изделия в скифском «зверином» стиле, предметы вооружения, посуда с формованными валиками и набор украшений, характерный для тагарской культуры.

Баиновское население, несомненно, принимало участие в ее формировании в качестве одного из компонентов. Ранние курганы и могилы тагарской

* В качестве самостоятельной группы, а затем культуры памятники, соответствующие нашему III этапу ЭПБ, были впервые выделены, охарактеризованы и названы Н.Л. Членовой по эпонимному могильнику у с. Лугавское (Членова, 1960, с. 76). Мы считаем возможным сохранить за комплексами III этапа ЭПБ наименование «лугавские», хотя расходимся с Н.Л. Членовой в понимании их хронологических рамок и происхождения.

культуры по форме, размерам и конструкции мало отличаются от оград, существовавших на IV этапе ЭПБ. Общими являются поза и ориентировка покойников, способ размещения инвентаря и, что особенно важно, присутствие четырех кусков мяса жертвенного животного, обычай характерный только для памятников Минусинской котловины. Из баиновского инвентаря в тагарской культуре, определенно, продолжили существование упрощенные предметы неизвестного назначения. Сложнее обстоит дело с ножами, зеркалами и шильями. Их баиновская принадлежность не бесспорна, поскольку аналогичные предметы широко распространены в культурах сопредельных территорий. Возможно, некоторые раннеподгорновские баночные сосуды с раздутым туловом и прямым срезом венчика ведут свое происхождение от баиновских форм, но в способе орнаментации тагарской посуды преемственности уже не наблюдается. В остальном, разница между баиновскими и ранними подгорновскими памятниками оказывается весьма существенной, а отсутствие преемственности позволяет поставить вопрос о внешнем источнике формирования культуры скифского времени Среднего Енисея*.

При таком подходе образуются две отчетливых границы, отделяющие памятники эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины от культур предшествующего и последующего времени: андроновской и тагарской. Памятники, заключенные внутри этого интервала, оказываются тесно связаны между собой, что позволяет рассматривать их в едином блоке как четыре последовательных этапа эпохи поздней бронзы (I – карасукский, II – карасук-лугавский, III – лугавский, IV – баиновский). Определения «карасукский», «лугавский», «баиновский» предпочтительно использовать в узком хронологическом смысле, исключительно для удобства изложения. Расширенная трактовка этих терминов неизбежно ведет к искажению исторических реалий. Цифровая нумерация этапов и хронологических горизонтов в данном случае является более строгой и научной. Предметом отдельной дискуссии могут быть вопросы принадлежности всех перечисленных этапов к единой культуре или нескольким самостоятельным археологическим культурам. Эта проблема не имеет, в настоящий момент, однозначного решения. Между памятниками смежных этапов прослеживаются элементы преемственности и определенная степень генетического родства, что теоретически позволяет рассматривать их как единую культуру, прошедшую в своем развитии несколько стадий. С другой стороны, каждый этап отличается неповторимым набором особенностей, имеет свое направление связей,

* Подробное изложение этой темы содержится в статье «Памятники баиновского типа и тагарская культура» (Лазаретов, 2007).

вектор трансформации, не совпадающий с линией развития других памятников. Эта тема требует глубокой теоретической проработки и выходит за пределы нашего исследования.

Хронологические рамки бытования комплексов эпохи поздней бронзы Среднего Енисея можно уточнить методами естественных наук. Первая серия радиоуглеродных дат из захоронений II этапа ЭПБ получена в результате раскопок могильников Терт-Аба и Анчил чон (Алексеев, Боковенко, Васильев и др., 2005, с. 104–107, 237–239; Bokovenko, Legrand, 2000, с. 242–243). С наибольшей вероятностью они укладываются в интервал XII–XI вв. до н.э. Образцы из комплексов III этапа ЭПБ (Кутень-Бурук, Анчил чон, Уй и др.) преимущественно датируются в пределах X–IX вв. до н.э. Памятники раннего и позднего этапов ЭПБ Хакасско-Минусинской котловины собственных дат пока не имеют. Их возраст можно только предполагать, исходя из косвенных данных (подсчеты количественного соотношения могил, сопоставление с комплексами сопредельных территорий). С учетом этого общая хронология комплексов ЭПБ Южной Сибири может выглядеть следующим образом: I этап (карасукский) – XIII–XII вв. до н.э., II этап (карасук-лугавский) – XII–XI вв. до н.э., III этап (лугавский) – X–IX вв. до н.э., IV этап (баиновский) – конец IX – начало VIII вв. до н.э.

Литература

- Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Посснерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чугунов К.В. 2005. Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб. 290 с.
- Бехтер А.В., Хаврин С.В. 2002. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Улан-Удэ; Чита. с. 73–78.
- Бобров В.В., Кузьминых С.В., Тенейшвили Т.О. 1997. Древняя металлургия Среднего Енисея (лугавская культура). Кемерово. 99 с.
- Бобров В.В. 2003. Два древних историко-культурных мира Западной Сибири: проблема взаимодействия // Археология Южной Сибири. Новосибирск. с. 11–17.
- Буров В.Ф. 1987. Новые археологические находки у с. Краснополье // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск. с. 76–78.
- Вадецкая Э.Б. 1986. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л. 179 с.
- Громов А.В. 2002. Антропология населения окуневской культуры Южной Сибири (эпоха бронзы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 33 с.
- Грязнов М.П. 1952. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане // СА, №16. с. 129–162.
- Грязнов М.П. 1956. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. Вып. 64. с. 27–42.
- Грязнов М.П. 1965. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. Вып. 100. с. 62–71.

- Грязнов М.П., Пяткин Б.Н., Максименков Г.А. 1968. Карасукская культура // История Сибири. Т. 1. Л. с. 180–187.
- Грязнов М.П. 1981. Инокультурные традиции на примере андроновско-карасукских сопоставлений // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л. с. 31–33.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. 2002. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда. 138 с.
- Заднепровский Ю.А. 1992. Древние бронзы Синьцзяна (КНР) // Древности. №3. М. с. 115–127.
- Заднепровский Ю.А. 1993. Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб.
- Зяблин Л.П. 1977. Карасукский могильник Малые Копы И. М. 141 с.
- Кирюшин Ю.Ф. 1988. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул. с. 59–63.
- Киселев С.В. 1951. Древняя история Южной Сибири. М. 643 с.
- Киселев С.В. 1960. Неолит и бронзовый век Китая // СА. №4. с. 244–266.
- Комарова М.Н. 1975. Карасукские могильники близ улуса Орак // Первобытная археология Сибири. Л. с. 85–94.
- Кузьмина Е.Е. 1994. Откуда пришли индоарии? М. 464 с.
- Кучера С. 1988. Новое достижение археологов и антропологов КНР. Краниологическая серия Гумугоу // Девятнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. II. М.
- Лазаретов И.П. 1991. Относительная хронология каменнолоожских памятников юга Хакасии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул. с. 105–107.
- Лазаретов И.П. 1993. К вопросу о валиковой керамике в Южной Сибири // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 1. Барнаул. с. 129–132.
- Лазаретов И.П. 1995. Каменнолоожские погребения могильника Арбан I // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания. Вып. 24. СПб. с. 39–46.
- Лазаретов И.П. 2001. Локализация и проблемы взаимодействия культур Южной Сибири // Евразия сквозь века. СПб. с. 103–107.
- Лазаретов И.П. 2006. Заключительный этап эпохи бронзы на Среднем Енисее: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 34 с.
- Лазаретов И.П. 2007. Памятники баиновского типа и тагарская культура // Археологические вести. Вып. 14. М. с. 93–105.
- Лазаретов И.П. 2008. Могильник Тюрим (о времени появления атипичной керамики в карасукских комплексах) // Археологические вести. Вып. 15. М. (В печати).
- Максименков Г.А. 1964. Новые данные об эпохе бронзы в Минусинской котловине // КСИА. Вып. 101. с. 19–23.
- Максименков Г.А. 1975. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л. с. 48–58.
- Максименков Г.А. 1978. Андроновская культура на Енисее. Л. 190 с.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. 1966. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.
- Маргулан А.Х. 1970. Комплексы Былкылдак // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата.
- Матющенко В.И. 2001. Еловский археологический комплекс. Часть 1. Курганный могильник Еловский I. Омск. 63 с.
- Матющенко В.И. 2004. Еловский археологический комплекс. Часть 2. Еловский II могильник. Омск. 467 с.
- Молодин В.И. 1992. Бронзовый век Южной Сибири – современное состояние проблемы // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. Горно-Алтайск. с. 25–33.
- Молодин В.И., Алкин С.В. 1997. Могильник Гумугоу (Синьцзян) в контексте афанасьевской проблемы // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сборник тезисов конференции, посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск. с. 35–38.
- Молодин В.И. 1998. Находки керамики бегазы-дандыбаевской культуры в Синьцзяне и их значимость для понимания культурно-исторических процессов в западных районах Центральной Азии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том IV. Новосибирск. с. 286–289.
- Новгородова Э.А. 1965. Локальные варианты карасукской керамики // Новое в советской археологии (памяти С.В. Киселева). М. с. 181–186.
- Новгородова Э.А. 1970. Центральная Азия и карасукская проблема. М. 192 с.
- Новгородова Э.А. 1989. Древняя Монголия. М. 384 с.
- Паульс Е.Д. 2000. Могильники Чазы и Мара на севере Минусинской котловины (к вопросу изучения карасукской культуры) // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб. с. 104–118.
- Поляков А.В. 2002. Схема периодизации классического этапа карасукской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. Книга I. СПб. с. 209–213.
- Поляков А.В. 2006-а. Периодизация «классического» этапа карасукской культуры (по материалам погребальных памятников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб. 26 с.
- Поляков А.В. 2006-б. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические вести. Вып. 13. СПб. с. 82–101.
- Поляков А.В., Хаврин С.В. 2007. Горизонтальная стратиграфия могильника Кюргеннер I (Хакасия) // Алтае-Саянская горная страна и история её освоения кочевниками. Барнаул. С. 206–209.
- Рыкушина Г.В. 1976. К антропологии эпохи энеолита-бронзы Красноярского края // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. М. с. 187–201.
- Рыкушина Г.В. 1979. Палеоантропология карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М. 29 с.
- Савинов Д.Г., Бобров В.В. 1983. Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири. ИЛАИ. Вып. 12. Кемерово. с. 34–71.
- Савинов Д.Г. 1994. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. 208 с.
- Савинов Д.Г. 1996. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб. 112 с.
- Савинов Д.Г. 2002. Ранние кочевники Верхнего Енисея. СПб. 201 с.
- Савинов Д.Г. 2005. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул. с. 28–34.
- Савинов Д.Г., Поляков А.В. 2007. Могильник Арбан I (к проблеме изучения памятников эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины) // Археологические вести. Вып. 14. М. с. 62–92.

Сотникова С.В. 1988. Сходство и различие федоровских и алакульских комплексов // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск. с. 89–95.

Теплоухов С.А. 1929. Опыт классификации древних металлургических культур Минусинского края // МЭ. Т. IV. Вып. 2. Л. с. 41–62.

Хабарова С.В. 1994. О проникновении алакульских групп на территорию Верхней Оби // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул. с. 64–66.

Хаврин С.В. 1992. Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб. с. 45–46.

Хаврин С.В. 1994. Карасукская проблема? // Петербургский археологический вестник №8. СПб. с. 104–113.

Хлобыстина М.Д. 1963. Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 19 с.

Хлобыстина М.Д. 1970. Каменный могильник на Енисее и Усть-ербинская группа памятников // СА, №1, с. 121–129.

Худяков Ю.С. 1987. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск. с. 136–162.

Членова Н.Л. 1960. О происхождении тагарской культуры Южной Сибири // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск. с. 75–79.

Членова Н.Л. 1963. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине // СА, №3. с. 48–66.

Членова Н.Л. 1966. Взаимоотношения степных и лесных культур эпохи бронзы на границах Минусинской котловины (по материалам Ужурского могильника) // Древняя Сибирь. Вып. №2. Новосибирск. с. 212–228.

Членова Н.Л. 1972. Хронология памятников карасукской эпохи. М. 248 с.

Членова Н.Л., Бобров В.В. 1991. Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М.

Членова Н.Л. 1992. К реконструкции культурно-этнического состава населения Минусинской котловины в карасукскую эпоху (анашенский тип керамики) // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. I. Омск. с. 73–75.

Членова Н.Л. 1998. Минусинская котловина и Сибирь: контакты и изоляция // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 1. Новосибирск. с. 670–683.

Чуев Н.И., Китов Е.П. 2007. Археолого-антропологическое изучение древнего населения Синьцзяна эпохи бронзы по материалам могильников в районе озера Лобнор // Вестник антропологии. Вып. 15. Ч. II. М. с. 284–291.

Bokovenko N., Legrand S. 2000. Das karasukzeitliche Gräberfeld Äncil Con in Chakassien. // Eurasia Antiqua. Band 6. Berlin. s. 209–248.

Bunker E.C., Kawami T.S., Linduff K.M., Wu En. 1997. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler Collections. New York.